

**АрТ
факт
детектив**

Клавесин королевы
Мари-Антуанетты
хранит вековую тайну.
Разгадавший ее обретет
бесценное сокровище...

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВА

Клавесин Мари- Антуанетты

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Клавесин Марии-Антуанетты

«Автор»

2009

Александрова Н. Н.

Клавесин Марии-Антуанетты / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2009 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-33577-0

Амалию Антоновну восьмидесяти семи лет от роду убили в собственной квартире. Без всяких видимых причин. Она и так была готова умереть от старости и приготовила завещание, по которому все ее имущество, сплошь состоявшее из антикварных вещей, отходило единственному родственнику. Так зачем убивать? Оказывается, искушением для преступников стал клавесин восемнадцатого века, принадлежавший королеве Марии-Антуанетте. Вернее, соблазнил воров не сам музыкальный инструмент – воплощенное изящество и элегантность, – а то, что находилось в его тайнике, случайно обнаруженном реставратором Старыгиным и пианисткой Лизой... Книга также вышла под другим названием: «Венец Гекаты».

ISBN 978-5-699-33577-0

© Александрова Н. Н., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталья Александрова

Клавесин Марии-Антуанетты

– Ну, что это такое! – Амалия Антоновна поморщилась. – Опять до второй октавы фальшивит! Густав Карлович обещал что-то сделать, но воз и ныне там!

Старушка выразительно поджала губки, но, поскольку этого никто не видел, ей стало неинтересно капризничать. Она вздохнула, привычным жестом поправила седые букли и снова заиграла старинный романс: «Нет, не тебя так пылко я люблю».

Старый клавесин нещадно дребезжал и поскрипывал на трудных пассажах, старушка подпевала ему таким же надтреснутым, дребезжащим, антикварным голоском:

...Не для меня красы твоей блистанье...

Когда-то, очень давно, у нее находили неплохое сопрано, но теперь ее голос был так же далек от сопрано, как она сама – от той очаровательной барышни с огромным черным бантом в волосах, которая слушала соловьев в Шуваловском парке и целовалась с курсантом-моряком...

Как же его звали? Владимир? Андрей?

Нет, не вспомнить, имя курсанта бесследно улетучилось из ее памяти!

...Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость, и молодость погибшую мою...

Амалия Антоновна расчувствовалась. Она прикрыла глаза, промокнула их кружевным платочком с изящно вышитыми инициалами, отъехала от клавесина вместе с вращающимся табуретом, взяла с палисандрового ломберного столика крошечную, на десять грамм, хрустальную рюмочку и недрогнувшей рукой налила в нее французского коньяка.

Этот коньяк привезла ей из Парижа Лиза на прошлое Рождество, подарила со смехом, сказала: «Только не спейтесь, тетя Малли».

Это имя – Малли – придумал для нее один из ухажеров лет семьдесят тому назад. Кто же он был – инженер? Военный? И как его звали? Она не могла вспомнить, как ни старалась, но выдуманное им имя закрепилось за Амалией Антоновной на всю жизнь.

Лиза... где она сейчас? Кажется, в Амстердаме... какие настали интересные времена – для молодых талантливых людей появилось столько возможностей!

Амалия Антоновна лихо опрокинула рюмочку, взглянула на бутылку. С минувшего Рождества коньяку в ней почти не убавилось, так что бытовой алкоголизм ей не грозит. Впрочем, в ее возрасте это было бы даже забавно.

Ох уж эта Лиза! Как редко она все же навещает старуху!

Хотя, конечно, чего можно от нее требовать – ведь она ей никто, даже не родня.

Амалия Антоновна привычно огорчилась.

Никого из ее прежних друзей давно уже нет в живых, единственный родственник – троюродный племянник – живет в другом городе, появляется очень редко, да, честно говоря, его визиты Амалию Антоновну нисколько не радуют. Все же он человек совершенно не ее круга, их интересы удивительно далеки. Собственно, единственный его интерес – это ее квартира и вещи, да и то постольку, поскольку их можно выгодно продать. Она не раз замечала алчные взгляды, которые племянник бросал на ее обстановку.

«Нет, милый, придется тебе потерпеть! Я еще жива!»

Впрочем, она сама иногда в этом сомневалась: порой она казалась себе не живым человеком, а музейным экспонатом, антикварной безделушкой – вроде этих старинных кукол, рядом расставшихся на крышке клавесина.

Нет, с племянником у нее не было ничего общего. Вот Лиза – это совсем другое дело, она действительно умеет слушать, у нее такой приятный голос и внимательные глаза...

В дверь позвонили.

Кто бы это мог быть? Ах, ну да, наверное, это Мария Тимофеевна пришла из магазина.

Амалия Антоновна подхватила палочку с черепаховой ручкой, оперлась на нее и пошла к двери.

Она вполне могла ходить и без палочки, но иногда ей хотелось изобразить немощную старуху. Тем более перед соседями. Глядишь, чем-то и помогут, хоть в магазин сходят.

Амалия Антоновна, не спрашивая, кто там, отперла дверь.

На пороге вместо соседки появился высокий, немного сутулый мужчина с круглым широким лицом, чем-то похожий на сову – крючковатый нос, круглые моргающие глаза... Этот человек был ей вроде бы знаком, но Амалия Антоновна никак не могла вспомнить, где она с ним встречалась.

– Что же вы так – не спрашиваете? – пожурил ее гость. – Так ведь кто угодно может к вам войти! Сейчас столько опасных людей!.. Нужно быть осторожнее!

– Ах, милый! – Амалия Антоновна закатила глаза. – Мне, в моем возрасте, уже нечего бояться! На мою честь вряд ли кто-то покусится, а современные грабители не интересуются старьем. Его ведь еще нужно сбыть... Но простите, мон шер, не могу припомнить ваше имя... мы ведь с вами уже встречались?

– Я корреспондент журнала «Русская старина», – проговорил гость, протискиваясь в прихожую, – меня зовут Иван Каменский. Я звонил вам на днях, просил о встрече. Вы обещали мне рассказать о своей бурной молодости.

– Ах, ну да! – Амалия Антоновна виновато потупилась. – Я совершенно запамятовала... Видите ли, все, что случилось на днях, моментально улетучивается из моей памяти. Вот молодость – это совсем другое дело. Пойдемте, мой дорогой!

Она развернулась и, постукивая палочкой, неспешно отправилась в обратный путь – в свою скромную гостиную, которая по совместительству была ее кабинетом, и будуаром, и столовой, да и, что уж греха таить, спальней.

– Присаживайтесь, друг мой! – Она светским жестом указала гостю на диван красного дерева. – Не хотите ли капельку коньяку? У меня есть настоящий, французский. Лиза привезла его на прошлое Рождество из Парижа... ах да, вы ведь не знаете Лизу...

– Нет, к сожалению, – гость виновато заморгал, при этом сделавшись еще больше похожим на сову. – А где она сейчас, Лиза?

– Кажется, в Амстердаме... а что, разве вы с ней знакомы?

– А кроме нее, у вас никого не бывает? – продолжил гость, проигнорировав вопрос Амалии Антоновны.

– Нет, никого... только племянник, но он приезжает редко, очень редко.

Вместо того чтобы сесть, гость подошел к клавесину, внимательно осмотрел его, приподнял крышку.

– Вы любите музыку? – Амалия Антоновна заметно оживилась, села на табурет, развернула ноты. – Хотите, я вам сыграю и спою? Когда-то у меня было неплохое сопрано, даже сам профессор Гориславский отметил его...

– Да что вы говорите? – Гость изобразил вежливое удивление. – Ну что ж, сыграйте, сделайте милость!

Амалия Антоновна не заставила себя уговаривать.

Она опустилась на табурет, раскрыла пожелтевший от времени нотный сборник и объявила:

– «Ты мне клялся». Старинный романс.

Она опустила руки на клавиши и запела с большим чувством:

Ты мне клялся душой сначала,
Назвал душенькой ты меня...

Однако невоспитанный гость, вместо того чтобы вежливо слушать престарелую певицу, так и крутился вокруг клавесина. Он поднял его резную крышку и беззастенчиво разглядывал внутренности старинного инструмента.

– Молодой человек, – обиженно проговорила Амалия Антоновна, убрав руки с клавиатуры. – Кажется, я пою для вас! Или вам это совсем не интересно?

– Интересно, очень интересно! – возразил мужчина. – Кажется, это именно то, что я искал...

С этими словами он зашел за спину хозяйки и молниеносным движением накинул ей на шею шелковый шнурок.

– Что вы... – хотела возмущенно воскликнуть Амалия Антоновна, но ее голос, который когда-то похвалил сам профессор Гориславский, отказал ей в эту критическую минуту. Впрочем, и неудивительно: шелковый шнурок, затянувшись, перехватил горло старушки, и она вместо возмущенного возгласа издала жалкий предсмертный хрип. В глазах у нее потемнело, и Амалия Антоновна отправилась в тот мир, где ее давно уже дожидались сверстники – и тот курсант-моряк, с которым она целовалась в Шуваловском парке, и инженер, который семьдесят лет тому назад придумал для нее милое прозвище Малли... в последнее мгновение она вспомнила, как его звали – Николай.

Похожий на сову человек подхватил безвольно обмякшее тело старухи и перенес его на диван. После этого он засучил рукава и склонился над клавесином.

Но поработать как следует он не успел, потому что в дверь квартиры позвонили. Мало того – с площадки донесся залихватский собачий лай.

Мужчина вполголоса выругался и шагнул к окну, задернутому плотными шторами.

– Кузенька, не торопись! – Мария Тимофеевна зажала под мышкой поводок, перехватила в левую руку тяжелую хозяйственную сумку с продуктами и приложила к кнопке ключ домофона. Симпатичный скотчтерьер первым проскочил в открывшуюся дверь и побежал наверх, волоча за собой поводок.

Хозяйка привычно умилилась на своего питомца, тяжело вздохнула и приступила к подъему. Лестница в старом доме была крутая, зато площадки между маршами – широкие и окна – красивой полукруглой формы. Между вторым и третьим этажом Мария Тимофеевна остановилась передохнуть. На лестнице было чисто, пахло освежителем воздуха и едва заметно – краской.

Мария Тимофеевна радостно огляделась – она никак не могла привыкнуть, что в родном подъезде вместо обшарпанных стен и падающих на голову кусков осыпавшейся штукатурки теперь такая красота! Счастье привалило случайно.

Крупная московская фирма открыла в городе свой филиал и купила в их подъезде две квартиры для своих сотрудников. Не успели выехать старые жильцы, как явился прораб – разбитной коренастый мужичок с цепкими глазками, посматривающими по сторонам из-под низко надвинутой кепки, – и начал что-то высматривать и вымеривать. После чего на три месяца весь подъезд потерял покой от непрерывного стука и грохота. Зато напоследок прораб привел двух смуглых теток с золотыми зубами, которые аккуратно выкрасили и побелили

лестницу до второго этажа. А сын Марии Тимофеевны не растерялся и тут же договорился с этими тетками, чтобы они продолжили свое доброе дело вплоть до третьего этажа.

Тут Марию Тимофеевну отвлекло поведение Кузи. Вместо того чтобы смиренно ждать хозяйку на коврике возле собственной двери, скотчтерьер повел себя странно. Он подбежал к двери напротив и залаял сердито и громко.

– Ах ты, проказник! – Старушка подхватила сумки и заторопилась наверх.

С трудом отогнав Кузю, она позвонила в соседскую дверь и подождала минут пять – женщина там живет немолодая, пока услышит, пока дойдет... Никто не открыл. Мария Тимофеевна не удивилась и позвонила снова – ведь Амалия Антоновна малость на ухо туговата, хоть и музицировать любит. Как запоет и заиграет, не то что звонка в дверь – сирены пожарной не услышит!

Звонок раскатился за дверью долгим звоном, ему вторил взволнованный лай Кузи.

– Да замолчи ты! – Хозяйка замахнулась на песика поводком и постучала в дверь: – Амалия Антоновна! Откройте! Я вам молока принесла! Два пакета, как просили!

По-прежнему никто не открыл, зато лай собачки перешел в злобное повизгивание с подвываниями. Кузя бросался на дверь, как тореадор на быка, из-за такого шума нечего было и думать расслышать, что творится в квартире.

– Ладно, Кузя, – решительно сказала Мария Тимофеевна, – у нас же есть ключи. Сейчас тебя домой отведу и ключи заодно возьму.

Мария Тимофеевна была женщиной аккуратной и осторожной. Ключи от квартиры соседки не болтались у нее в прихожей на гвоздике, а спокойно лежали, убранные в ящик кухонного стола. Кузю в свою квартиру ей удалось затащить с большим трудом.

Бросив сумку прямо в прихожей, не снимая ботинок, Мария Тимофеевна сбегала на кухню за ключами и снова вышла на площадку. На звонок по-прежнему никто не ответил, она сунулась было к замку, но руки дрожали, и сердце как-то странно замирало. Из ее квартиры раздавался вой Кузи.

Мария Тимофеевна поняла, что ей страшно и одна она в квартиру соседки ни за что не пойдет. Кого бы позвать с собой? Ее домашние все на работе, эти богатенькие со второго этажа – тоже, а если и есть там кто-то, то все равно не пойдут, чтобы не связываться.

Соседка вздохнула и поспешила наверх.

На четвертом этаже красотой и не пахло. А пахло капустой и тухлой селедкой, как во всяком подъезде старого запущенного дома. Мария Тимофеевна позвонила в обе квартиры. Открыли только в той, что была расположена над апартаментами Амалии Антоновны.

Женщина, появившаяся на пороге, была несомненно молода, но весьма потрепана жизнью. А скорее всего, такую жизнь она сама себе выбрала и отказываться от нее не имела ни сил, ни желания. С трудом найдя поясok халата, она зевнула во весь рот, и Марию Тимофеевну обдал густой запах перегара.

– С добрым утром! – хриплым голосом сказала женщина.

– Ох Вера, – поморщилась соседка, – первый час, какое уж утро! А ты все квасишь?

– Да что я, что я! – вяло попыталась оправдаться Вера. – Если у нас с Толиком праздник вчера был!..

– Да у вас как деньги на выпивку есть – так и праздник! – с сердцем сказала соседка. – Ну да ладно, хорошо, что ты дома, сходи со мной к Амалии Антоновне, она не открывает, а мне одной боязно – как бы чего не случилось...

– Никак померла? – поинтересовалась Вера без особого интереса.

– Типун тебе на язык! – замахала руками Мария Тимофеевна. – Еще накаркаешь!

– А что такого? – Вера пожала плечами. – Ей сколько лет, наверное, больше восьмидесяти?

– Говорит, что семьдесят девять, но уже лет десять эта цифра не меняется, – неохотно ответила соседка. – Ну, пошли, что ли? Чего зря тянуть...

– Боюсь, – Вера отшатнулась, – может, Толика позвать?

– Вот Толика точно не надо! – твердо ответила соседка и пошла вниз. Вера потащилась за ней.

Кузя по-прежнему злобно лаял за своей дверью. Вера взяла из рук Марии Тимофеевны ключ и отперла замок. В квартире стояла мертвая тишина.

Выпихивая друг дружку вперед, соседки прошли в полутемную комнату.

– Да вот же она! – обрадованно завопила Вера. – Задремала просто на диване! Обычное дело – пожилой человек, прилегла и уснула, а вы сразу в панику...

Мария Тимофеевна поджала губы и подошла к дивану.

– Амалия Антоновна, голубушка, что с вами?

Никто не отозвался, только портьера на окне колыхнулась – чуть заметно.

Мария Тимофеевна осторожно тронула лежащую за плечо. От легкого толчка тело повернулось, и соседки хором закричали от ужаса. На них глядело мертвое синее лицо, глаза вылезли из орбит, изо рта вывалился багровый язык.

Вера икнула и сползла по стенке на пол. Мария Тимофеевна, стараясь не смотреть в страшное лицо, отошла от дивана и нагнулась к Вере. Та была в обмороке.

– Да что ж такое! – с досадой крикнула Мария Тимофеевна. – С тобой еще возиться! Ну и молодежь нынче хилая пошла! Квасить-то у нее здоровья хватает...

Сама она держалась бодро, хотя сердце стремилось выпрыгнуть из груди, а в ушах бухал колокол.

«Милицию или «Скорую», – подумала Мария Тимофеевна, – лучше милицию, пускай они сами разбираются».

Чтобы пройти к телефону, требовалось обогнуть диван, и тут Мария Тимофеевна заметила тонкую лиловую полосу на шее Амалии – под стоячим воротничком кружевной блузки. Крик застыл у нее в горле. Она выскочила из квартиры и от волнения побежала не к себе, а наверх.

Несмотря на то что сердце билось еще сильнее, Мария Тимофеевна с маху скакнула на четвертый этаж горной серной и заколотила в дверь соседей ногами.

Явился Толик, здоровенный амбал в вылинявшей тельняшке с оторванными рукавами – очевидно, чтобы все могли оценить его бицепсы и татуировки.

Позвонив по телефону, поддерживаемая Толиком, Мария Тимофеевна на нетвердых ногах спустилась вниз. Дверь квартиры Амалии была распахнута настежь. Вера сидела на полу, очумело крутя головой. Портьера больше не колыхалась.

– Ни фиги себе! – Толик подошел к дивану.

– Не трогай там ничего! – слабым голосом сказала Мария Тимофеевна. Она регулярно смотрела детективные сериалы и знала, как следует вести себя на месте преступления. Женщина опустилась на вертящийся стул возле клавесина с нотами, раскрытыми на романсе. Ее взгляд невольно остановился на словах:

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье,
Люблю в тебе я прошлые страданья
И молодость, и молодость погибшую свою!..

Не успели бравые, слегка поддатые санитары вынести из квартиры бранные останки Амалии Антоновны и без всякого почтения к покойной запихнуть их в труповозку, как на пороге квартиры появилась Раиса Павловна – сотрудница жилконторы в неизвестном чине и с непо-

нятными обязанностями, но с начальственными замашками и с административной «халой» на голове.

По мнению жильцов, единственное, чем занималась Раиса Павловна за свою немаленькую зарплату, – это разъясняла населению в доступной форме, что оно, это население, само виновато в том, что топить в этом году начнут значительно позже, чем обычно, ремонт раздолбанного тротуара откладывается на неопределенный срок, электричество в доме то и дело отключают и из кранов вместо воды течет неизвестная науке вонючая бурая субстанция.

Но сегодня у Раисы был какой-то не начальственный, а заинтересованный и даже заискивающий вид.

– Что, скончалась Амалия Антоновна? – осведомилась она фальшивым голосом, скорбно поджав губы. – Отмучилась?

– Умерла, – ответила Мария Тимофеевна, искренне удивляясь, что Раиса знала имя-отчество одинокой небогатой старухи. Она не без основания подумала, что сотрудница жилконторы вынашивает какие-то далеко идущие планы относительно освободившейся квартиры, и на всякий случай добавила: – Племянник у нее есть. Ему все и отойдет, по завещанию. С ним уже созвонились.

– Хорошо-хорошо! – миролюбиво проговорила Раиса, стрельнув глазами по сторонам, и покинула квартиру.

Выйдя на лестничную площадку, она достала мобильный телефон и торопливо сообщила:

– Это Раиса Павловна. Да, она умерла... наследник имеется, племянник... ну, это уж как водится... уж я надеюсь, что вы меня не обидите!

На Фонтанке, напротив Летнего сада, расположен тихий и красивый квартал, носящий несколько необычное название – Соляной городок. Этот квартал ограничен улицей Пестеля (прежде – Пантелеймоновской), Гангутской улицей и Соляным переулком. Самое заметное здание квартала – старинная Пантелеймоновская церковь.

В конце восемнадцатого века здесь, на месте деревянной Партикулярной верфи петровского времени, были выстроены соляные и винные склады, которые и дали имя кварталу.

В этом-то квартале располагается антикварный магазин с неприятзательным названием «Старина».

Витрины магазина не поражают роскошью выставленных в них предметов. Пара невзрачных китайских ваз, шкатулка из черепахового панциря, несколько серо-голубых датских тарелок, цветная японская гравюра, резные старинные шахматы – случайные, не очень ценные вещи. Но знатоки и любители антиквариата знают, что за этими неприятзательными витринами скрывается один из лучших магазинов города, в полутемных залах и извилистых коридорах которого можно найти настоящие сокровища прошедших веков.

В залах со скучающим видом прохаживаются продавцы-консультанты – унылые мужчины средних лет в темных, мятых, обсыпанных перхотью пиджаках, равнодушно взирающие на случайных посетителей, но оживляющиеся при виде знакомого коллекционера и вполголоса ему сообщающие:

– Константин Петрович, у нас кое-что для вас появилось! Классицизм, эпоха Павла Первого, в отличном состоянии!

А в самой глубине торгового помещения, в небольшом кабинете, до потолка заваленном обломками минувшего, сидит владелец этого магазина, Казимир Болеславович Пауцкий, известный в узких кругах под характерным прозвищем Паук.

Казимир Болеславович и внешне напоминает паука: тшедушное тельце с длинными цепкими руками, большая голова с глубокими залысинами, темные, глубоко посаженные глаза.

Но в действительности не имя и даже не характерная внешность послужили причиной такого прозвища.

Отсюда, из своего полутемного кабинета, Пауцкий протянул по всему городу тонкие, невидимые нити своей паутины, он постоянно ждет, прислушивается – не задрожит ли одна из этих нитей, сообщая ему, что в паутину попала добыча.

На него работают врачи «Скорой помощи» и санитары моргов, участковые милиционеры и техники-смотрители, паспортистки и даже рядовые сантехники. Впрочем, «работают» – это громко сказано. Все эти люди просто сообщают Пауку (за определенную плату) о кончине стариков и старушек перспективного возраста, в чьих квартирах или комнатах могли уцелеть предметы старины.

Чаще всего сигнал оказывается бесполезным: к примеру, в квартире усопшей единственным предметом антиквариата была она сама, из произведений искусства имелся только японский рекламный календарь за семьдесят шестой год, а вся «старинная мебель» – это разрозненный румынский гарнитур, купленный по случаю лет тридцать тому назад.

Но бывали и исключения, и ради этих исключений Паук готов был платить за каждый такой сигнал.

К большому его сожалению, давно уже прошли те времена, когда в скромной коммунальной квартирке можно было найти полный столовый гарнитур времен Павла Первого в отличной сохранности или чудесный ампирный кабинет из карельской березы. В России, а особенно в Санкт-Петербурге, у антикварной мебели (впрочем, как и у ее владельцев) была трудная судьба: значительная ее часть погибла еще во время двух революций. То, что удалось сберечь тогда, в огне красного террора, впоследствии сгорело в «буржуйках» ледяными блокадными зимами, когда чудом уцелевшие потомки аристократических родов, чтобы выжить, топили печи красным деревом и палисандром.

Но, как это ни печально, еще более страшный удар по антиквариату, чем две революции и война, нанесло бурное строительство хрущевского времени. Жители коммунальных квартир Коломны и Песков, Семенов и Петроградской стороны, получая малогабаритные квартиры в Дачном или Ульянке, не могли взять с собой громоздкие дедовские шкафы, комоды и секреты. Кроме того, воспитанная новой, прогрессивной эстетикой молодежь считала все это никому не нужным, безнадежно устаревшим хламом. Молодые люди высмеивали отсталых бабушек и дедушек и говорили, что не возьмут их любимые «козетки и кушетки» в свое светлое малогабаритное будущее.

И драгоценная антикварная мебель отправлялась на городские свалки, а вместо нее в типовых квартирах поселялись примитивные, недолговечные поделки из ДСП и оргалита. При этом, выбрасывая старые вещи, никто, конечно, не беспокоился об их сохранности, и старинная мебель попадала в мусорные контейнеры безжалостно переломанной, без обивки и отделки.

Конечно, находились предприимчивые и не брезгливые люди, которые обходили свалки, внимательно присматриваясь к обломкам дедовской мебели, и кое-что спасали, сохраняли до лучших времен.

И теперь, когда эти «лучшие времена» настали и за дедовские шкафы, когда-то отправленные на свалку, богатые люди платили огромные деньги, – теперь настал звездный час для людей вроде Казимира Болеславовича Пауцкого.

Именно сюда, в этот полутемный кабинет, в логово Казимира Пауцкого, позвонила Раиса Павловна, как только узнала о смерти Амалии Антоновны.

Пауцкий поблагодарил Раису, повесил трубку, встал из-за стола и надел черное пальто.

В этом пальто он ходил в любое время года – зимой и летом. Это пальто и черная палка с серебряным набалдашником были от него неотделимы, казалось, что он так и родился – в черном пальто, с залысинами и с палкой в руке.

– Михаил! – крикнул Пауцкий, приоткрыв дверь кабинета. – Мы едем на раскопки!

«Раскопками» Казимир Болеславович называл такие вот экстренные посещения покойных старушек.

Из кладовки появился крупный рыхлый детина лет сорока, с отвислой губой и соннотуповатым выражением лица. Несмотря на такой сомнительный облик, Михаил выполнял при Пауцком функции шофера и телохранителя (ведь не секрет, что антикварный бизнес – довольно криминальный), а также, по совместительству, вышибалы и грузчика на тот случай, если что-то можно прихватить сразу, без долгих переговоров с родней и наследниками.

* * *

Славик Топорков прямо с поезда отправился к своей тетке.

Собственно, она была ему вовсе и не тетка, а то ли двоюродная бабка, то ли вовсе седьмая вода на киселе, но ситуации это не меняло: она доводилась ему какой-то родней, и это давало практичному и рассудительному Славику определенные права.

Во-первых, изредка приезжая в Петербург в командировку, он мог остановиться у тети Амалии, сэкономив кое-какие деньги на гостинице. При его небольших заработках это было очень даже неплохо.

Во-вторых же, поскольку у Амалии Антоновны других родственников не имелось, Славик твердо рассчитывал получить после ее смерти наследство.

Конечно, его тетка не владела акциями банков и металлургических заводов, алмазными копиями и поместьями, но квартира в Петербурге – это тоже немалая ценность, особенно если смотреть на нее из далекой провинции. Поэтому Славик старался тетку не раздражать и при каждом своем приезде дарил ей что-нибудь необременительное для своего бюджета – коробку конфет «Ласточка», упаковку отечественного земляничного мыла или пачку дешевого чая, по вкусу отдаленно напоминающего запаренный березовый веник.

Правда, была в этом и одна огорчительная сторона: тетка, несмотря на свой более чем преклонный возраст, чувствовала себя превосходно и совершенно не собиралась умирать, напротив – радовалась жизни, музицировала и даже крошечными дозами попивала коньяк, чем вызывала в душе племянника неуклонно растущее раздражение.

Итак, прямо с поезда Славик отправился к своей тетке. Такси он из экономии не взял, доехал до места на троллейбусе и уже подходил к теткинemu дому, когда нос к носу столкнулся с соседкой Амалией Антоновной.

Славик знал соседку в лицо, но никак не мог вспомнить ее имени и отчества, да, впрочем, и не очень по этому поводу расстраивался. Та выгуливала возле подъезда своего скотчтерьера и при виде Славика бросилась ему навстречу.

– Какое несчастье! – воскликнула она, хватая Славика за пуговицу. – Какое несчастье! Ваша тетя...

– Что – умерла? – переспросил Славик, с трудом скрыв радость.

– Да, а вы уже знаете? – удивилась соседка. – Как вы быстро приехали!

В ее голосе прозвучали подозрительные интонации.

Славик отмахнулся от нее и взлетел по лестнице, чтобы поскорее взглянуть на свое новое имущество.

Ключи от теткиной квартиры у него были, но искать их не пришлось: Славик заметил, что дверь приоткрыта.

Это его слегка обеспокоило: не всплыли ли какие-то конкуренты, не нашлись ли у тетки фальшивые родственники, желающие наложить лапу на его законную собственность?

Он толкнул дверь, вошел в квартиру и, нарочито громко топая, направился в теткину комнату.

Здесь, в глубоком кресле с резными подлокотниками, сидел тщедушный человечек в черном пальто. У незнакомца были большая лысоватая голова, глубоко посаженные темные глаза и длинные руки, сложенные на серебряном набалдашнике палки. Вообще, этот человек выглядел очень странно: он казался смешным, но в то же самое время – опасным.

– Вы кто? – враждебно осведомился Славик, приблизившись к незнакомцу. – И что вы тут делаете?

– Могу задать вам тот же вопрос, – отозвался странный человек. – Кто вы такой?

– Я-то известно кто, я – племянник... законный, то есть наследник... это все – мое... – парень обвел квартиру неопределенным жестом. – А вы откуда взялись на мою голову?

– Ах, вы племянник? – Тщедушный человечек поднялся из кресла навстречу Славику, шагнул к нему, церемонно шаркнув ножкой, но при этом уронил свою палку. – Очень, очень рад познакомиться!

– А вы-то кто такой?! – напирал Славик, исподлбоя глядя на незнакомца. – В родню набиваетесь? Сразу предупреждаю – нет у нее никакой родни, кроме меня! Нет и никогда не было, так что не рассчитывайте, что я... что вы...

– И в мыслях не было! – воскликнул незнакомец, сложив на груди свои удивительно длинные руки. – Поверьте, и в мыслях! Наоборот, я – ваш лучший друг и могу принести вам большую пользу...

– Ни в каких друзьях не нуждаюсь! – объявил Славик. – Как-нибудь сам управлюсь, без вас! И вообще, вы мне так и не ответили – кто вы такой? На квартиру небось рот разинули?

Смешной человечек не спешил с ответом, и Славик подумал уже: не выкинуть ли его вон – ввиду явной тщедушности незнакомца это не составило бы большого труда. Но тут он заметил в углу комнаты второго человека – рыхлого сорокалетнего дядьку с туповатой физиономией и отвислой губой, вся фигура которого дышала недюжинной силой.

Поэтому Славик отбросил мысль силой выставить незваного гостя и воззрился на него в ожидании.

– Кто я такой? – протянул тот наконец. – Я вам это непременно сообщу, только для начала обрисую ваше положение. Вы – племянник покойной?

– Ну да, в общем, вроде того... – замялся Славик, мысленно прикидывал степень своего родства с Амалией Антоновной.

– Вроде того... – выразительно повторил незнакомец. – Даже если допустить, что вы – не «вроде того», а родной племянник, это значит, что вы – наследник третьей степени!

– Чего?! – ошеломленно переспросил Славик. Он был оскорблен до глубины души, словно его обозвали человеком третьего сорта.

– Не обижайтесь, – незнакомец усмехнулся. – Это просто юридический термин, означающий, что при вступлении в наследство вам придется уплатить очень большой налог. Кроме того, вам в любом случае нужно ждать полгода, чтобы вступить в свои права.

– Это еще зачем? – возмутился Славик. – Я и так столько лет ждал!

– Понимаю вас и сочувствую! – Незнакомец поднял руки. – Но таков закон. Эти полгода даются для того, чтобы все возможные наследники могли проявиться и предъявить свои требования.

– Нет у нее никаких родственников! Никого, кроме меня.

– Очень хорошо, – заверил его незнакомец. – Но закон есть закон. Полгода придется ждать.

Славик расстроился: перед ним уже замаячила приятная перспектива, и вдруг она снова уходит в туманную неизвестность.

– А вы-то кто такой? – Славик снова подозрительно уставился на тщедушного человечка. – Адвокат, что ли? Можете все это ускорить?

– Увы! – Гость развел руками. – К сожалению, ускорить все это не в наших с вами силах. Но я могу сделать вам выгодное предложение, которое немного скрасит это вынужденное ожидание.

И незнакомец сообщил Славику, что зовут его Казимир Болеславович, что он – владелец антикварного магазина и охотно приобрел бы кое-какие вещички покойной тетюшки. При этом Паук дал Славику понять, что он не преследует никаких корыстных целей, а занят единственно благотворительностью – старается сохранить для потомков культурное достояние страны.

– Уж будто! – пробормотал недоверчивый Славик. – Вы же не музей содержите, а магазин! Стало быть, продаете все эти вещички – с выгодой для себя!

– Какая там выгода! – жалостно вздохнул Казимир Болеславович. – Дай бог свое вернуть! Для меня главное – чтобы старинные вещи попали в хорошие руки! Ведь если человек заплатит за вещь большие деньги, он и обращаться с ней будет соответственно!

– Короче, – перебил антиквара Славик. – Что вы мне хотите предложить?

– Я хочу, чтобы вы прямо сейчас, не дожидаясь вступления в права наследства, продали мне кое-что из теткиного имущества. Вот, скажем, эту горку, и шкафчик, и клавесин, и вот этот ломберный столик... ну, и еще кое-что, по мелочи.

– А у меня потом не будет неприятностей?

– Если мы поспешим и сделаем все до того, как обстановку квартиры опишут, – никаких неприятностей, я вам гарантирую! У меня, вы же понимаете, есть связи... если что – я смогу решить все вопросы.

– И сколько же вы мне хотите предложить?

– Ну... допустим, за все сразу – пять тысяч... уверяю вас – это щедрое предложение!

– Сколько?! – Славик вылупился на антиквара. – Но это просто несерьезно! Пять тысяч? Не смешите мои кроссовки! Пять тысяч... а пять тысяч – чего?

– Так и быть, евро... и не надо так кипятиться. Вы можете поискать другого покупателя, но в таком случае упустите момент, и вам придется ждать полгода. И к тому же платить налог по максимальной ставке, как наследнику третьей степени. А я предлагаю вам живые деньги, причем – немедленно!

Паук вытащил из кармана толстую пачку купюр и пошуршал ими перед носом Славика.

– Десять тысяч! – ответил тот, не сводя взгляда с купюр.

– Ну ладно, так и быть! Я даю шесть тысяч – но это мое последнее слово!

И Казимир Болеславович добавил к своей пачке еще одну стопочку, потоньше.

Славик не сомневался, что антиквар хочет его надуть.

Во-первых, племянник покойной Амалии Антоновны вырос в глубоком внутреннем убеждении, что все люди на свете только одним и заняты – думают, как бы надуть, обжечь, перехитрить друг друга. Потому, полагал он, так много в нашем языке слов и выражений соответствующего значения – обмануть и обжечь, кинуть и обштопать, напарить, обставить, облапошить, объехать на кривой козе...

В особенности же все эти нехорошие люди озабочены тем, чтобы обмануть именно его, Славика. Почему уж все вокруг так плохо к нему настроены – он не знал, но подозревал, что причина этой общей нелюбви заключается в его, Славика, удивительных моральных достоинствах, в его золотом сердце и природной доверчивости.

Во-вторых, сам по себе антиквар выглядел очень подозрительно и жуликовато – с этими его запавшими щеками, глубоко посаженными темными глазами и цепкими, хваткими паучьими лапами, крепко сцепленными на серебряном набалдашнике палки.

Итак, Славик не сомневался, что антиквар хочет его надуть – но в то же время деньги в руках Пауцкого манили Славика, гипнотизировали его, притягивали как могучий магнит...

Короче, в душе безутешного племянника боролись два одинаково сильных чувства – алчность и подозрительность.

Пауцкий, отчетливо отметивший на лице своего собеседника борьбу этих чувств, облизнул сухие губы и проговорил своим бесцветным, хрустящим, как бумага, голосом:

– Решайтесь, мой дорогой! Вот они, деньги! Живые деньги! – И он для большей убедительности снова пошуршал перед Славиком пленительными бумажками.

– Девять тысяч! – проблеял Славик в последней попытке преодолеть чары хитрого антиквара. – Ну, хотя бы восемь...

– Нет, дорогой мой! Не восемь и не семь... я пошел вам навстречу, предложил вам шесть тысяч. Это было мое последнее слово. Вы не согласились – и теперь я говорю: пять с половиной. Соглашайтесь, или будет пять!

Он отслюнил из пачки несколько купюр и спрятал их в карман своего пальто.

Славик жалобно заскулил, провожая ускользающие деньги безутешным взглядом, и поспешно воскликнул:

– Я согласен, согласен!

– Очень хорошо, – узкие губы Паука сложились в некое подобие улыбки, он достал из кармана сложенный лист бумаги и протянул его Славiku. – Подпишите здесь, мой дорогой... вот здесь, где галочка!

Славик попытался прочесть текст, но от волнения буквы плясали перед его глазами. Он вздохнул, поставил внизу листа широкий росчерк и торопливо схватил деньги.

– Ну, все, – Паук поднялся, опираясь на палку, и повернулся к своему здоровенному спутнику: – Ну, Михаил, приступай! Начнем, пожалуй, с клавесина.

Рыхлый детина обхватил хрупкий инструмент своими огромными лапами, легко поднял его и понес к выходу. Клавесин издал какой-то негромкий трогательный звук, словно прощаясь с квартирой покойной Амалии Антоновны.

Субботним утром в квартире стояла сонная тишина. Это неудивительно, поскольку у хозяина квартиры не было ни маленьких детей, просыпающихся в седьмом часу утра с ревом и криками, ни собаки, требующей немедленной прогулки и для этой цели втаскивающей на чистую наволочку хозяйский ботинок, зажатый в зубах, ни сварливой тещи, норовившей в выходной с утра пораньше приспособить зятя к домашней работе, типа чистки ковров или мытья окон. Жены у него тоже не было, так что никто не гремел кастрюлями на кухне и не включал радио погромче.

Всех родственников и домашних любимцев заменял хозяину квартиры, Дмитрию Алексеевичу Старыгину, кот по имени Василий. Кот был замечательной рыжей разбойничьей породы, очень пушист и разбалован хозяином до полного безобразия.

Старыгин, квалифицированный эксперт и реставратор с мировым именем, утверждал, что он любит три вещи: свою работу, спокойную жизнь и своего кота Василия. Хотя кот считал, что в этом списке он стоит на первом месте, и был не так уж не прав.

Что касается спокойной жизни, то Дмитрий Алексеевич немного кривил душой. Несмотря на свою тихую кабинетную работу, судьба за последнее время подбросила ему столько интереснейших и опасных приключений, что их хватило бы на десяток скромных реставраторов. И только самому себе, в покое спальни, да и то мысленно, Старыгин признавался, что такая шепутная жизнь ему даже нравится. Не всегда, конечно, но изредка, с перерывами.

Кот-то, конечно, видел Старыгина насквозь, читал его мысли как свои собственные и очень не одобрял различные приключения и путешествия. Потому что хозяин куда-то исчезал надолго, препоручая его заботам старушки-соседки, и коту было очень грустно сидеть одному в квартире.

Нынешняя суббота обещала быть приятной (с точки зрения кота) только в том случае, если бы пошел дождь. Тогда хозяин останется дома и проведет выходной с книжкой, в кресле, под теплым пледом.

Кот Василий вылез из-под одеяла и сладко потянулся. Придирчиво оглядел комнату. Старинные часы с маятником старательно отстукивали время. Кот время определять не умел – зачем это ему, если внутренние часы безошибочно подскажут, когда хозяин явится с работы и будет его кормить. Зато Василий любил, сидя на телевизоре, ловить лапой маятник. Правда, после того как он повис на нем всем весом и часы едва не грохнулись на пол, хозяин запретил подобные развлечения.

Кот спрыгнул с кровати на пол, забрался на стул с высокой спинкой, после чего перепрыгнул со стула на комод красного дерева, прошелся не спеша, оставляя на пыльной крышке следы лап, привычно обнюхал статуэтку бронзовой собаки и, надо думать, нашептал ей на ухо какую-нибудь гадость. Собака приняла все спокойно – что ей, бронзовой, сделается?

Совершив променад по комоду, кот отогнул лапой плотную занавеску и перешел на подоконник, который был его стараниями свободен от цветов – позавчера Василий очень удачно сбросил на пол последний горшок с кактусом. Горшок разбился, и Старыгин, выметая землю, отказался от мысли иметь дома комнатные цветы.

Кот вольготно развалился на подоконнике и поглядел за окно. Погода его не порадовала: светило неяркое осеннее солнышко, в безветренном воздухе кружились несколько ранних пожелтевших листьев. Кот тяжело вздохнул – надежды на спокойный выходной стремительно таяли. А как чудесно было бы поваляться вместе с хозяином в кровати подольше! Кот бы сладостно урчал, а хозяин дремал, почесывая любимца за ухом. Приятнейшая перспектива!

А потом они долго-долго завтракали бы на кухне, и, несмотря на то, что ветеринар – этот отвратительный тип в белом халате – строго-настрого запретил кормить кота человеческой едой, хозяин отрезал бы Василию то щедрый кусочек ветчины, то копченой рыбки, то сливочного итальянского сыра...

На этом месте своих размышлений кот снова тяжело вздохнул, поскольку понял, что деликатесов-то он уж точно не дождет, даже при самом благоприятном раскладе. Дмитрий Алексеевич очень любил своего кота и трепетно относился к его здоровью. Если ветеринар сказал, что нельзя – он готов был наступить на горло собственным чувствам и держать кота впроголодь, для его же блага.

А после завтрака хозяин уютно устроился бы в кресле возле электрического обогревателя с книгой в руках. И кот спокойно соснул бы у него на коленях... Или можно было бы устроиться на письменном столе, под старинной бронзовой лампой с зеленым абажуром, и поглядывать одним глазом на экран компьютера, по которому бежит очень шустрая голубая стрелочка.

– Василий, ты где? – Дмитрий Алексеевич откинул занавеску. – О, хорошая погода сегодня!

Кот сидел, повернувшись к нему пушистым задом, и делал вид, что ничего не слышит. Дмитрий Алексеевич совершенно правильно понял его настроение и рассмеялся.

– Василий, не капризничай! У меня ведь дела.

Завтрак был поздний, по этому поводу Старыгин готовил пасту.

Дмитрий Алексеевич специализировался на итальянской живописи эпохи Возрождения и по роду своей деятельности тяготел ко всему итальянскому: городской архитектуре, художникам, макаронам и машинам «Феррари».

Правда, если насчет макарон и городов он мог удовлетворить свой интерес, то с «Феррари» любовь была без взаимности.

Дмитрий Алексеевич подкрутил огонь под кипевшими макаронами, затем быстро приготовил густую подливку из муки, масла и кипятка, посолил, помешал и добавил в соус чайную ложку приправы из черных трюфелей. Маленькую баночку этой приправы он купил в свое

время в итальянском городе Орвьето, когда заехал туда, чтобы посмотреть фрески в знаменитом кафедральном соборе.

На кухне дивно запахло, но кот не явился к завтраку – грибы, даже такие ценные, его не интересовали. Старыгин взял большую тарелку, секунду помедлил и заменил ее на среднюю – все же макароны слишком быстро дают о себе знать лишними жировыми отложениями на животе.

Дмитрий Алексеевич любил вкусно поесть, но предпочитал в этом не признаваться вслух. Кот долго не выдержал и возник на пороге кухни с очень недовольным видом. Хозяин решил подлизаться и положил в его миску двойную порцию консервов, кот поел вроде бы нехотя, после чего уселся на соседний стул, продолжая упорно делать вид, что его совершенно не интересует то, что находится на столе.

Старыгин засыпал кофе в медную джезву и вздохнул, глядя в пространство затуманившимися глазами.

Джезву подарила ему красавица-испанка прошлой весной, когда он переживал свое очередное приключение на юге Испании. Перед мысленным взором Дмитрия Алексеевича возникли волшебные глаза Марии, рассыпающие вокруг золотистые искры, ее черные пышные волосы, ее смуглые руки – терпеливые руки реставратора. Он вспомнил темное подземелье, вспомнил, как бежали они, стремясь уйти от преследовавшего их страшного зверя, как бездыханная Мария лежала на его руках, и он чувствовал, что силы ее уходят...¹

Старыгина привел в себя сбежавший кофе. Он снова тяжело вздохнул, глядя на коричневую лужицу на плите.

Как только закончилось все необычное и чудесное, выяснилось, что гордая испанка – вполне современная самостоятельная молодая женщина, что у нее есть свои планы и цель в жизни. Сейчас она стажировается в Швейцарии, а он, Старыгин, вернулся к своей работе и своему коту – что еще ему оставалось делать? У него тоже есть обязательства, своя жизнь и свои планы.

Он оглянулся. Кот Василий сидел на столе и внимательно обнюхивал пустую тарелку. Запах черных трюфелей ему явно не нравился: кот чихнул и ударил по тарелке лапой.

– Василий, – нежно проговорил Дмитрий Алексеевич, – прекрати хулиганить. Все равно я уйду. Дело не ждет.

Кот не то чтобы смирился, но покорился неизбежному.

Дело в выходной день у Дмитрия Алексеевича было связано с его работой. Еще давно принесли ему показать одну картину – очень старую, в плохом состоянии. С трудом просматривался сюжет: молодая женщина, изображенная в профиль, сидит у окна. На лице ее едва заметная умиротворенная улыбка. Платье спадает свободными складками. Руки, кажется, сложены на животе, в том месте доска основательно попорчена, так что уверенности нет. Сквозь решетку стрельчатого окна виден пейзаж с горами и пиниями, как его обычно изображали итальянские художники, а саму решетку обвивают ветви винограда – в одном месте видны узорные листья и даже едва созревшая кисть ягод.

Ничего об этой картине не было известно – ее нашли в запаснике одного из провинциальных музеев, и одному богу ведомо, как она там очутилась. Никаких записей не сохранилось, да и тамошний хранитель признался Старыгину в приватной беседе, что картина на самом деле нашлась не в запаснике, а в камерке сторожа, где она была подложена под старый шкаф вместо сломанной ножки. Шкаф стоял в камерке со дня основания музея году этак в двадцать втором прошлого века, стало быть, картина пролежала под шкафом столько же...

– Хотя и неизвестный итальянский мастер, однако все же – пятнадцатый век! – ужаснулся Старыгин.

¹ Читайте об этом в романе Н. Александровой «Хранитель чаши Грааля», издательство «Эксмо».

– Не говорите, – потупился хранитель, – директора едва удар не хватил, да я и сам с сердечным приступом на два дня слег.

Старыгин долго откладывал эту работу, все не было времени, а когда наконец руки дошли, то оказалось, что доска в ужасающем состоянии – вся изъедена жучками, а кое-где дерево вообще сгнило: видно, в каморке сторожа пол был сырой. Дмитрий Алексеевич задумал перенести картину на другую доску, поновее и покрепче. Способ перенесения был изобретен еще в девятнадцатом веке – именно тогда столяр Эрмитажа по фамилии Сидоров придумал технологию перенесения картины с доски на холст, за это его наградили медалью. Технология понадобилась для одной из самых ценных в настоящее время картин в собрании Эрмитажа – Мадонны Литта кисти гениального Леонардо да Винчи. Когда царская семья приобрела ее для музея у миланского герцога, картина была в очень плохом состоянии, так что столяр-умелец совершил великое дело.

Дмитрий Алексеевич решил, что в данном случае доска будет уместнее холста. Он посмотрел в мастерских Эрмитажа и не нашел ничего подходящего. Тогда его осенило – можно найти подходящую доску от старинной мебели. Потому что итальянские художники Возрождения писали на тополевых, пихтовых, буковых досках. Леонардо работал с грушевыми и кипарисовыми досками. Но чаще всего использовался орех. А мебель из ореха тоже весьма распространена, так что сложность заключается лишь в том, чтобы найти подходящую по размеру доску и уговорить антиквара продать ее отдельно.

Старыгин прилично разбирался в антиквариате, знал ассортимент магазинов. Он не пойдет в шикарные салоны в центре города – там мебель выставлена парадно, для богатых людей, а не для истинных знатоков. Ему в данный момент нужно другое.

Дмитрий Алексеевич сердечно попрощался с котом и отправился, сам того не ведая, навстречу очередным увлекательным приключениям.

– Вы все знаете, – Пауцкий пожевал губами, пристально глядя на Андрея Ивановича. – Если что, звоните мне и Михаилу, телефоны в блокноте на столе. В антикварных креслах не сидеть, курить нельзя ни в коем случае, и умоляю вас – не пейте чай из мейсенского фарфора! Я ведь специально принес вам хорошую большую кружку!

– Да больно надо мне из вашего фарфора чаи распивать! – проворчал Андрей Иванович. – Что я – фарфора не видал!

– Тем не менее вчера я нашел в чашке из «охотничьего» сервиза остатки заварки! А самое главное – в магазине пахло табаком! Вы же знаете, что здесь есть очень дорогие экземпляры, в случае пожара вы за всю жизнь не расплатитесь!

– Знаю, знаю! – Андрей Иванович проводил хозяина до двери и запер замок. Он работал в магазине «Старина» уже третий год, с тех пор как его списали с большого противолодочного корабля, и каждый вечер между ними происходил точно такой же разговор.

Закрыв дверь, он возвратился в зал, уселся в глубокое кресло с резными подлокотниками и обитой выгоревшим золоченым шелком спинкой, налил чай из яркого китайского термоса в прелестную бело-голубую мейсенскую чашку и поставил на старинный простуженный граммофон пластинку с изображением внимательно слушающей хозяйский голос собаки.

– Тебе небось хозяин тоже выволочки устраивал! – проговорил отставник, щелкнув по картинке желтоватым от никотина ногтем.

«Татьяна, помнишь дни золотые!..» – донесся из граммофонной трубы потрескивающий довоенный голос. Андрей Иванович закурил и начал фальшиво подпевать Петру Лещенко.

Ему нравилась эта работа.

Сначала, когда его отправили в отставку, Андрей Иванович очень комплексовал. Только вчера он был морским офицером, носил отлично подогнанную форму, ему улыбались девушки, перед ним вытягивались в струнку дисциплинированные матросы – и вдруг все это разом кон-

чилося. Из блестящего офицера он превратился в нищего, никому не нужного пенсионера. Жизнь стала пустой и безрадостной, денег катастрофически не хватало. Вдобавок ко всему у него началась бессонница. Он привык на корабле засыпать под ровное гудение моторов, под ритмичную морскую качку, а здесь, на суше, все его раздражало – и звуки машин за окном, и урчание холодильника на кухне...

И тут очень кстати ему подвернулась эта работа. Пристроил его сюда старый знакомый, тоже в прошлом флотский офицер, который ушел из флота сам несколько лет назад, не дожидаясь увольнения, занялся частным бизнесом и преуспел.

Андрей Иванович к бизнесу способностей не имел, да и желания им заниматься – тоже, а вот работа ночного дежурного в антикварном магазине его вполне устраивала. Ему нравилась уютная, обволакивающая полутьма магазина, благородный запах старого дерева и тисненой кожи, тихое потрескивание дубовых половиц, множащие друг друга отражения в старинных серебряных зеркалах...

Собственная неумолимо приближающаяся старость казалась не такой ужасной и отвратительной на фоне красивой и достойной старости окружающих его вещей.

Отставник окинул взглядом достойно стареющие вещи и поднес чашку к губам.

Но выпить чаю он не успел, потому что в дверь магазина негромко, но настойчиво постучали. Андрей Иванович невольно поморщился – такое долгожданное, загодя предвкушаемое им удовольствие грозило рассыпаться как карточный домик.

– Кого это черт принес? – проговорил он тем ворчливым штатским голосом, который выработался у него за последние годы. – Хозяин, что ли, вернулся?

Он поставил чашку на круглый инкрустированный столик восемнадцатого века, положил недокуренную сигарету на розовое севрское блюдечко и, недовольно ворча, потащился к дверям.

За стеклянной дверью магазина метался высокий мужчина с каким-то совиным лицом – крючковатый нос, выпуклые щеки, круглые выпученные глаза...

– Что надо? – неприязненно проговорил сквозь дверь отставник тем самым штатским голосом.

– Позвонить! – крикнул в ответ незнакомец. – Человеку плохо, может быть, он умирает, а у меня мобильник сел! Позвольте от вас позвонить! Вызвать «Скорую»!

Впускать в магазин посторонних категорически запрещалось, но Андрей Иванович все еще не мог изжить в себе устарелые взгляды, сохранившиеся от прежней жизни вместе с военно-морской выправкой. Например, он считал, что приличный человек должен помогать ближним, особенно если те попали в беду.

Кроме того, незнакомец за дверью казался совершенно безобидным.

Андрей Иванович тяжело вздохнул, повернул «собачку» замка и открыл дверь.

Незнакомец протиснулся в магазин и уставился на сторожа странным взглядом круглых совиных глаз.

– Вот телефон, – Андрей Иванович показал на старомодный, в духе магазина, аппарат и посторонился, пропуская незнакомца. В его душе шевельнулось какое-то неприятное, зябкое чувство – уж очень странным показался ему этот человек... однако он не выглядел сильным и опасным и, определенно, был один.

«Российский моряк не может быть трусом!» – подумал Андрей Иванович и повернулся к незнакомцу спиной, чтобы запереть за ним входную дверь.

И в ту же секунду на его голову обрушился удар.

В глазах отставника потемнело, и выложенный плиткой пол магазина качнулся навстречу, как палуба большого противолодочного корабля в девятибалльный шторм.

Андрей Иванович успел подумать, что интуиция его подвела, что Пауцкий будет взбешен, и потерял сознание.

Впрочем, он довольно скоро пришел в себя.

Голова гудела, как пивной котел. Перед глазами мелькали разноцветные пятна. Незнакомец с круглыми совиными глазами сидел возле него на корточках и брызгал в лицо водой из той самой бело-голубой мейсенской чашки.

– Паук не велит трогать фарфор... – выговорил отставник заплетающимся языком.

– Что? – удивленно переспросил незнакомец.

– Ты... кто? – пролепетал Андрей Иванович.

– Антиквар в пальто, – ответил ему незнакомец и наклонился еще ниже. – Где клавесин?

– Ка... какой еще клавесин?

В ушах шумело, и Андрей Иванович решил, что ослышался. Больно уж бессмысленно прозвучал вопрос.

– Ответ неправильный! – Незнакомец еще больше округлил совиные глаза и неожиданно ткнул сторожа сложенными пальцами в бок. Сквозь тело Андрея Ивановича словно прошел высоковольтный электрический разряд – так это было больно. Он открыл рот, хватая воздух. На глазах выступили слезы.

– Ты кто... – прошептал он, едва отдышавшись. – Что тебе нужно? Бери все, что хочешь, и уходи! Я возражать не буду! У хозяина все застраховано, а мне своя жизнь дорога...

– Правильный подход, – совиные глаза одобрительно моргнули. – Но я, к большому сожалению, не могу последовать твоему совету. То есть взять, что хочу. Потому что как раз этого здесь и нет. Еще раз спрашиваю – где клавесин?

– Ничего не знаю ни про какой клавесин! – выдохнул Андрей Иванович. – Я вечером заступил, все, что есть в магазине, – вот оно, а никакого клавесина я не видел...

– Очень плохо, – на совином лице изобразилось недовольство. – Куда же он мог деться? Я точно знаю, что клавесин должен здесь быть! Днем его сюда привезли. Все-таки это не иголка... так где же он? Даю тебе последний шанс!

– Да не знаю я! Что это хоть за штука – клавесин? Светильник, что ли, какой? Так вон они все висят...

– Серость... – вздохнул незнакомец. – Клавесин – это музыкальный инструмент вроде пианино, только поменьше, с клавишами.

– Ах этот... – с недоверием произнес Андрей Иванович. – Ну надо же, чего только люди не выдумают! А ты у хозяина в кабинете смотрел? Может, его еще оформить не успели...

Хозяин свой кабинет запирает – Андрей Иванович думал, что так, на всякий случай, поскольку больших денег и ценностей он на ночь в магазине никогда не оставлял.

– Ну смотри, последний шанс тебе даю, – сказал незнакомец с таким неприятным совиным лицом, – если и там клавесина нет, то ты мне больше не нужен.

С этими словами он развернулся на каблуках и поспешил в кабинет Пауцкого. Для того чтобы справиться с замком, ему понадобилось всего несколько секунд, и как только страшный тип скрылся за дверью, Андрей Иванович мобилизовал все силы и встал с пола. Заполняющие магазин ценные предметы мебели и интерьера тотчас закружились перед его глазами хоро- водом, как фигуры на старинной греческой вазе, стоявшей возле дивана. Андрей Иванович пошатнулся, но мысль о том, что он в прошлом – боевой флотский офицер, придала ему силы. Он сделал несколько шагов вперед и вдоль стены, опираясь на комоды и буфеты, добрался до сигнальной кнопки.

Сигнализацию хозяин провел не так давно, по настоянию страховой компании, но не доверял ей, а самое главное – опасался пускать в магазин представителей милиции: понабегут, говорил, горластые нахальные парни, если чего в суматохе не прихватят, то уж точно все перетрогают, перелапают грязными руками, с места на место переставят и после этого еще и благодарности потребуют. Тут же вежливыми словами и чайком с конфетами не обойдешься...

Теперь сторож давил и давил на кнопку, обливаясь потом и моля бога, чтобы там среагировали как можно быстрее. Пункт охраны у них за углом, должны приехать по сигналу через две минуты.

Из кабинета раздался какой-то звук, как будто передвинули что-то тяжелое, потом жалобно прозвучала музыкальная нота, и тут все перекрыл звонок телефона. Тотчас страшный человек с совиным лицом выскочил из кабинета и оказался возле Андрея Ивановича, который успел снова плюхнуться на пол, отчего в голове его что-то булькнуло и она как бы вся онемела.

– Кто звонит? – прошипел незнакомец, наклоняясь над несчастным отставником.

– Н-не знаю, может, хозяин проверяет... – промямлил Андрей Иванович непослушными губами.

– Угу, хозяин! – угрожающим тоном заговорил незнакомец. – Ты меня за полного идиота держишь?! Думаешь, я не знаю, что это милиция на твой сигнал реагирует? Им ехать наудачу неохота, вот они и спрашивают – может, ты случайно тревожную кнопку нажал? Спросонья или там спьяну... И если ты им скажешь правильный пароль, они и с места не двинутся.

Он достал что-то из кармана и взмахнул рукой, как цирковой фокусник. В руке у него оказался тонкий шелковый шнурок. В следующую секунду этот шнурок уже обвивал шею Андрея Ивановича.

– А ну, говори пароль, – прошипел незнакомец, – иначе жить тебе останется полминуты...

– Хрен тебе! – из последних сил прохрипел Андрей Иванович. – Там мой голос знают!

Он, разумеется, приврал, но дело в том, что пароль, секретное слово, которое следовало сказать по телефону в случае ошибочного нажатия кнопки, совершенно вылетел из его ушибленной головы.

– Через минуту приедут, – злорадно сообщил он, пытаясь избавиться от шнурка, – так что ты уж выбирай, что тебе лучше: меня придушить или самому спастись!

Впервые в совиных глазах незнакомца он заметил неуверенность и, пожалуй, некоторый страх. И тут затопали у двери, застучали, закричали что-то в три луженые глотки.

Страшный человек выругался вполголоса и исчез в дебрях магазина, прихватив свой шелковый шнурок. Силы оставили Андрея Ивановича окончательно, и он встретил вошедших милиционеров, лежа на полу в самой расслабленной позе.

– Иваныч, ты живой ли? – испугались вошедшие.

Вместо ответа Андрей Иванович слабо махнул рукой в глубь магазина. Но тщетно: незнакомец успел уйти через черный ход.

– Мы с тобой как договаривались? – Казимир Пауцкий был в ярости, его лицо, обычно серое, покрылось нездоровым бледным румянцем, глаза еще больше выпучились и метали молнии, тонкие ручки его дрожали, и неперменный атрибут – палка с серебряным набалдашником – был брошен на пол без всякого почтения. Тут же, на полу, валялся бы и Андрей Иванович, если бы милиционеры не подняли его и не положили на диван стиля жакоб. И теперь вид несчастного сторожа, держащегося за голову и пачкающего ботинками дорожную обивку, приводил хозяина в еще большую ярость.

– Мы с тобой как договаривались? – прошипел он. – Русским языком сказано тебе было: если что в магазине не так – трубы лопнули, окно разбито, свет отключили, – сразу мне звонить! Мне, только мне, и никому больше, понял? И ты головой кивал и соглашался, так?

Андрей Иванович и теперь необдуманно попробовал кивнуть головой, но такое простое действие у него не получилось – после того как таинственный ночной посетитель ударил его по затылку, голова Андрею Ивановичу не собиралась повиноваться. И вообще, казалась не его собственной головой, а совершенно чужеродным предметом, приделанным к телу по ошибке.

Пауцкий ответа и не ждал, он и разговор-то начал не для того, чтобы что-то выяснить, все и так было ясно, хозяин просто пытался унять свою ярость. В магазине остались только

они двое, да еще верный Михаил маячил в сторонке. Милиционеры ушли, оставив после себя стойкий запах дешевых сигарет и грязные следы на полу.

– Третий год у меня в магазине сторожишь – и ничему не научился! – Хозяин пытался кричать, но только хрипел – пауки, как известно, кричать не умеют. – Ты какого дьявола ночью дверь постороннему открыл?! Совсем мозги потерял?!

Андрей Иванович молчал – он прекрасно понимал, что свалил дурака, открыв дверь тому типу с совиными глазами.

– Мало того что сам грабителя в магазин впустил, так еще и милицию вызвал! – кипятился Пауцкий. – Ведь сколько раз было говорено: если что случится – потоп, пожар, налет, – звонить мне, только мне, и никому больше! Ведь я мозоль себе на языке уже натер! А все без толку, твои военно-морские мозги не продолжить! Да и нет там никаких мозгов, монолит сплошной!

Андрей Иванович, до того слушавший хозяина, как сквозь вату, не слишком обращая внимание на суть его слов, тут опомнился и оскорбился за весь Военно-морской флот. Голова, отказывающаяся повиноваться, внезапно прекратила безобразие и встала на место. Прорезались слух и голос, только слегка гудело в ушах, где-то внизу, в трюме, работала корабельная машина.

Вспомнив такой родной до боли звук, Андрей Иванович приободрился и даже привстал с дивана.

– Ты как со мной разговариваешь?! – грозно спросил он, потихоньку набирая обороты. – Ты, крыса сухопутная, как с морским офицером разговариваешь?!

Он встал и отошел от дивана – сначала неуверенно, потом все тверже держась на ногах.

– Ты на меня наезжать еще будешь?! – вскрикнул Андрей Иванович таким голосом, каким отдавал он приказы, стоя на палубе среди бушующего моря, когда ветер ревет и каждая волна вздымается за бортом огромной горой. – Да на меня такие люди орали, до которых тебе – как до звезд!

– Уволен! – поспешно сказал Пауцкий. – Прошу покинуть магазин и не устраивать здесь базар! Пособие не выплачивается!

– И уйду! – заявил Андрей Иванович, сделав еще один шаг вперед. – Подавись ты своим пособием, жмот!

– Михаил! – крикнул Пауцкий, заметно подавшись всем корпусом назад. – Проводи товарища офицера на выход!

– Я тебе не товарищ! – снова рявкнул Андрей Иванович. – И шестерке твоей тоже!

Михаил схватил было его за плечо, но бывший офицер вырвался и угостил парня хорошим ударом в челюсть, от которого рослый охранник свалился на пол с грохотом горной лавины. После этого Андрей Иванович минут пять обзывал хозяина разными словами, из которых самыми приличными были «гнида» и «дерьмо крысиное», потом смачно плюнул на пол, пнул ногой антикварный диван и вышел, напоследок так хлопнув входной дверью, что печально и жалобно зазвенела люстра восемнадцатого века на двенадцать рожков, прикрытых кокетливыми фарфоровыми колпачками.

Михаил со стоном пошевелился на полу, ползком добрался до дивана и рухнул на него, закрыв глаза и потирая челюсть.

– Черт знает что! – проворчал Пауцкий, глядя, как на многострадальной обивке появляются новые грязные разводы.

Первым делом Старыгин решил наведаться в магазин-склад на набережной Обводного канала.

Здесь, в огромном помещении бывших провиантских складов, предприимчивый бизнесмен разместил самый настоящий мебельный Клондайк. Платяные шкафы и шифоньеры,

бюро и кровати, письменные и обеденные столы, буфеты и диваны стояли тут в полном беспорядке, и немногочисленные посетители протискивались между ними, отыскивая проход среди мебельных джунглей, как в тропическом лесу или в рукотворном лабиринте.

Старыгин смело углубился в это мебельное море, но очень скоро понял, что найти нужную доску вряд ли удастся, а выйти отсюда самостоятельно он наверняка не сумеет. Во всяком случае, он пожалел, что не запасся компасом и сухим пайком, как перед многокилометровым походом.

Его обступали со всех сторон изящные горки в стиле рококо и ореховые платяные шкафы, застекленные шкафчики красного дерева эпохи Александра Первого Благословенного и тяжелые, мрачные книжные шкафы времен Александра Третьего Миротворца, замысловатые палисандровые трюмо с высокими зеркалами, шифоньеры в стиле неоренессанс и ампирные бюро с чеканными бронзовыми накладками. Красное дерево и карельская береза, черное дерево и орех. Круглые ножки, продолговатые ножки, ножки с когтистыми звериными лапами, подлокотники с львиными мордами, ножки-кабриолет...

Дмитрий Алексеевич свернул в боковой коридор – и в глазах у него зарябило. Серебристый клен и розовое дерево, бронзовая отделка и перламутр, маркетри и инкрустации... резные кресла эпохи Павла Первого и массивные столы времен Елизаветы Петровны...

Старыгин снова свернул, прибавил шаг – и вдруг увидел знакомый ореховый шифоньер. Он готов был поклясться, что этот предмет мебелировки уже попадался ему сегодня.

Дмитрий Алексеевич порылся в карманах, достал синюю пластмассовую расческу и положил ее на крышку шифоньера. Затем он снова углубился в мебельный лабиринт.

Сплошная китайская стена платяных шкафов, лес вешалок для одежды и стоек для зонтов, ломберный столик Екатерининской эпохи и черный резной стул Петра Великого...

Еще один поворот – и снова перед Старыгиным возник ореховый шифоньер. На его крышке лежала синяя расческа, значит, ошибки быть не могло – шифоньер тот же самый.

Старыгин понял, что заблудился. Он остановился и перевел дыхание. Так, и что же теперь делать?

В лесу направление можно узнать по солнцу, а если солнца не видно – есть другие приметы. Скажем, на северной стороне деревьев гуще растет мох, а на южной – длиннее ветки... но вряд ли эти приметы подходят для мебельного магазина: на шифоньерах и комодах, к сожалению, нет ни веток, ни мха.

Вдруг откуда-то сбоку до Старыгина донесся негромкий свист.

Кто-то, сильно фальшивя, насвистывал романс композитора Алябьева «Соловей».

Дмитрий Алексеевич пошел на свист, свернул в боковой коридор и увидел невысокого пожилого человека в серой невзрачной курточке, который, склонившись над инкрустированным комодом красного дерева в стиле английского мастера Роберта Адама, внимательно ощупывал его руками, как опытный врач ощупывает больного.

– Простите... – обратился Старыгин к незнакомцу. – Мне очень неудобно, но я заблудился. Не подскажете ли, как отсюда выбраться? А то я уже хожу по кругу...

– Да? – Пожилой человек взглянул на него как на досадную помеху и предостерегающе поднял палец. – Одну минутку...

Он перестал свистеть, словно бы к чему-то внимательно прислушиваясь, провел рукой по боковой стенке комода, и вдруг в этой стенке открылась незаметная дверца. Невзрачный дядечка запустил в открывшееся углубление руку и извлек оттуда прядь золотистых волос, перевязанную розовой ленточкой.

– Ну вот, как всегда! – произнес он с печальным вздохом и повернулся к Старыгину: – Вы что-то спрашивали?

– Да, я хотел узнать, как отсюда выйти. И... что вы делали с этим фальшивым Адамом?

– А, так вы разбираетесь в мебели? – Незнакомец взглянул на Старыгина с уважением и протянул ему руку. – Сверчков Василий Васильевич. А насчет того, как отсюда выбраться – я сейчас как раз собираюсь выходить, так что покажу вам дорогу.

Сверчков уверенно углубился в мебельный лабиринт, продолжая говорить:

– Я сюда хожу чуть ли не каждый день. Буквально как на работу. Понимаете, во многих предметах старинной мебели есть тайники, и если знать, как они открываются, можно найти много интересного. Иногда попадаются старинные монеты, мелкие статуэтки, безделушки, но чаще всего – письма, засушенные цветы или локоны... Вот и в этом комод, возле которого вы меня застали, – сразу было видно, что в нем есть тайник. Но, как видите, я не нашел ничего достойного внимания... обычный локон... впрочем, я на пенсии, свободного времени у меня достаточно, и я провожу его в таких поисках, надеясь рано или поздно найти что-то по-настоящему ценное!

– Интересно! – Старыгин оживился. – А как же вы их находите, эти тайники?

– Опыт, батенька, опыт! – Сверчков напыжился, как сытый кот. – Я смотрю на вещь и вижу, что она от меня что-то прячет. Чувствую это по выражению ее лица, если можно так выразиться. Ну, допустим, немного выступающая деталь или несимметричный узор инкрустации... но больше, батенька, интуиция! Вот, смотрите! – Он остановился перед ореховым ломберным столиком и прищурил левый глаз. – Видите, здесь, на этом углу, вырезан узор в виде кедровой шишки?

– Допустим, – неуверенно согласился Старыгин, приглядываясь к резному декору.

– Ага, а с других сторон мы видим шишки пинии!

Дмитрий Алексеевич оглядел стол со всех сторон, но не заметил существенной разницы между узорами.

– Это не случайно! – Сверчков наклонился над столом, чуть ли не приплюсываясь к нему, и нажал пальцем на изображение кедровой шишки.

Щелкнула невидимая пружинка, и боковинка стола отскочила в сторону.

– Вот видите! – радостно воскликнул Василий Васильевич. – Я был прав!

Он пошуровал рукой в тайнике и вытащил оттуда стопку каких-то цветных картинок. Лицо его разочарованно вытянулось:

– К сожалению, батенька, прежний владелец прятал здесь не ценности и не исторические реликвии, а так называемые «парижские карточки» – порнографию позапрошлого века... что ж, оставим все, как было, пусть еще какой-то искатель сокровищ наткнется на этот тайник.

Он положил карточки на место, закрыл тайник и двинулся дальше, продолжая свою лекцию:

– Конечно, вас могут ввести в заблуждение «женатые» предметы...

– Какие? – удивленно переспросил Старыгин.

– «Женатые»! – повторил Василий Васильевич. – «Женатой» антиквары называют мебель, собранную из частей разных предметов. Например, к туалетному столику приделывают чужое зеркало. «Женатая» мебель среди специалистов не ценится, потому что в ней нет настоящей цельности, завершенности стиля... если же, наоборот, разобрать предмет мебели на несколько частей и продавать их по отдельности, скажем, отдельно комод и отдельно ящики, – такая мебель называется «разведенной». Она тоже не ценится...

Перед ними снова замелькали мебельные завалы. Вплотную притиснутые друг к другу буфеты, ряды комодов и бюро, стены из напольных часов в резных ореховых корпусах, декоративные ширмы, расписанные китайскими сюжетами, каминные экраны, секретеры...

– Тс-с! – Василий Васильевич внезапно остановился, схватив Старыгина за руку. – Опять она тут!

Впереди, в нескольких шагах от них, стояла высокая женщина средних лет, ярко, но безвкусно одетая. В руке у нее был перочинный нож, которым она злобно кромсала стенку орехового шкафчика.

– Я вас, кажется, предупреждал! – громко выкрикнул Сверчков и, подскочив к женщине, схватил ее за руку. – Я вас предупреждал, что, если еще раз встречу здесь, сдам в милицию!

– Отпусти! – завизжала женщина, пытаясь вырвать руку. – Отпусти, крыса антикварная! Не боюсь я твоей милиции! Они меня не тронут, я ведь ничего не украла...

– Тогда сдам хозяину, он тебя точно не отпустит!

Женщина вдруг горько зарыдала.

– В чем дело? – спросил Старыгин, подходя к ним. – Зачем вы это делаете? Неужели вам не жаль портить такие красивые вещи?

– Жаль?! – взвизгнула женщина, и глаза ее мгновенно высохли. – Да я их ненавижу! Глаза бы мои на них не глядели!

Старыгин опешил.

Женщина вытерла злые слезы и заговорила:

– У меня был старинный туалетный столик с зеркалом. Он принадлежал еще моей прабабке. За ним я причесывалась, приводила себя в порядок... пока не заметила, что зеркало высасывает из меня красоту и молодость!

– Как это? – недоуменно переспросил Старыгин.

– Очень просто! С каждым годом мое отражение в зеркале становилось все старее, все безобразнее, покрывалось сеткой морщин, утрачивало свежесть, а зеркало сияло как новенькое! Наоборот, оно становилось год от года все красивее! С каждым годом мои гости все чаще восхищались им... им, а не мной!

– Но, простите, таков уж закон природы: люди стареют, с этим ничего не поделаешь!

– Да, люди стареют, а этим бездушным предметам все нипочем! Они ничуть не портятся от времени, наоборот, только становятся дороже и дороже, как будто хорошеют от прожитых лет! Я подумала, что тот злополучный туалетный столик высосал красоту и молодость и из моей прабабки, и из моей матери и теперь принялся за меня. И тогда я вынесла его на помойку... – Женщина сделала паузу и продолжила, понизив голос: – На следующий день его уже там не было!

– Ну, естественно! – проговорил Василий Васильевич. – Кто-то увидел хорошую вещь и забрал ее к себе домой. Жаль, что я в тот день не оказался поблизости...

– Э нет! – воскликнула женщина. – Это туалетный столик сам приглядел себе новую жертву! Приметил очередную идиотку, из которой он будет высасывать молодость и красоту! И я поняла, что со старинными вещами нужно бороться, их нужно безжалостно уничтожать!

Ее лицо перекошилось от ненависти.

Старыгин со Сверчковым переглянулись.

– Но представьте... – Дмитрий Алексеевич попытался успокоить незнакомку. – Вы только представьте, как мало красивых вещей восемнадцатого, девятнадцатого веков сохранилось до нашего времени! Как много их погибло во время войн и революций! Неужели вам не жаль уничтожать немногие уцелевшие предметы?

– Вы говорите – мало?! – прошипела женщина. – А люди? Разве выжил, разве сохранился хоть кто-то, хоть один человек, родившийся в восемнадцатом веке?

– М-да... – протянул Старыгин. – Интересная точка зрения! Но только как хотите, а мы вас отсюда выставим. Я всю жизнь занимаюсь реставрацией, то есть спасаю предметы старины, а вы их уничтожаете. Так что мы по разные стороны баррикады...

Покинув магазин-склад на Обводном, не найдя там ничего подходящего, Старыгин по совету своего нового знакомого решил наведаться в антикварный магазин под названием «Старина», что находится в Соляном переулке.

Погода была прекрасная, очень редко выпадают в Петербурге такие чудесные осенние деньки. Дмитрий Алексеевич прогулялся по Летнему саду – деревья в нем стояли, еще полностью одетые зеленой листвой, вышел на набережную Фонтанки и любовался красиво украшенными корабликами, заполненными туристами и обычными горожанами, захотевшими провести погожий денек на воде.

В магазине было безлюдно и тихо – это же не супермаркет. С ходу угадав в Старыгине знатока, к нему подошел продавец, строгий мужчина с глазами уснувшей рыбы, и поинтересовался, глядя в сторону, чем он может помочь.

Дмитрий Алексеевич с сомнением оглядел плохо стриженный затылок и пятно на рукаве давно не чищенного пиджака и понял, что вряд ли он дождется помощи от этого человека. И хотя подмога в поисках подходящей доски ему определенно требовалась, он сказал, что сам походит и посмотрит. Продавец мгновенно потерял к нему интерес и скрылся за буфетом из карельской березы. Больше он не показывался, словно исчез навсегда.

Через некоторое время стало ясно, что поиски Старыгина ни к чему не приведут. Нужно было идти к директору, излагать ему свое дело, и тогда, возможно, он даст указания продавцам – поискать что-то подходящее в загашниках.

Дмитрий Алексеевич разбирался в антиквариате, сам собрал дома неплохую коллекцию мебели, а стало быть, поименно знал не только всех известных в городе коллекционеров, но и директоров крупных антикварных магазинов. С этим директором он лично знаком не был, но слышал о нем мало хорошего, оттого и медлил.

Он медленно продвигался к двери директорского кабинета, как вдруг она распахнулась, оттуда выскочила растрепанная, страшно злая девица и, налетев на Старыгина, больно задела его по плечу. Не сделав попытки извиниться и даже не заметив его, девица развернулась и снова бросилась в кабинет.

– Это неслыханно! – Она не закрыла дверь, голоса были хорошо слышны. – Это переходит все мыслимые границы! Я обращусь в суд! Вы не имели права вывозить мебель тайком, как вор!

В ответ что-то неразборчиво прошипели.

– Наследник? – зло расхохоталась девица. – Обрадовались, что нашли дурака, да еще и жадного к тому же! Он сам себе сделал хуже и до сих пор этого не понял, алчность застила ему глаза!

Снова в ответ Старыгин услышал шипение, словно сдувался воздушный шар.

– Что с того, что он подписал бумаги, которые вы подсунули ему обманом? – вопила девица. – Он не имел права ничего подписывать! В завещании точно сказано, что клавесин должен отойти мне!

– У вас есть на руках завещание? – раздался насмешливый скрипучий голос: как видно, хозяин кабинета подошел к двери.

– Нет, но я точно знаю, что оно было! – парировала девица. – Я сама видела, как Амалия Антоновна его писала! И между прочим, если Славка его не найдет, у него самого могут быть неприятности! Он не самый близкий родственник!

– Уж меня-то это точно не касается. – Дверь распахнулась шире, и на пороге появился хозяин кабинета, походивший на большого злобного паука: крупная голова сидела на тонком тщедушном тельце, тоненькие ручки шевелились, как будто ткали невидимую паутину.

– Разговор окончен! – проскрипел он, глядя на девушку темными равнодушными глазами. – Попрошу покинуть магазин и не устраивать здесь базар. Михаил, проводи посетительницу!

Тут же выдвинулся из-за шкафов огромный, рыхлый, сонно моргающий детина с оттопыренной нижней губой, что придавало ему придурковатый вид, и так решительно направился к девице, что Старыгин решил вмешаться.

Несмотря на то что ему не хотелось связываться с чужими проблемами, все же порядочный человек не может допустить, чтобы при нем обижали женщину.

Однако девушка в драку влезать не стала, топнула ногой в бессильной злобе и выскочила из магазина, кусая губы. Пробегая мимо Старыгина, она выронила перчатку светлой кожи. Старыгин поймал ее на лету и шагнул за девушкой на улицу, правильно рассчитав, что даже если он не просто ее окликнет, а затрубит слоном, она ни за что в этот магазин не вернется.

Выйдя из магазина, он огляделся и увидел, что девица в расстройстве отмахала уже метров сто. Не было смысла кричать, и Старыгин бросился в погоню. Пришлось поднапрячься, потому что девушка шла широким быстрым шагом, так что Дмитрий Алексеевич едва не потерял из виду стройную фигуру в светлом, туго затянутом плаще с пышными белокурыми волосами.

Наконец он догнал ее и тронул за руку. Девушка обернулась не сразу, видно, она так глубоко ушла в свои переживания, что не реагировала на посторонних.

– Простите! – вымолвил Старыгин, едва переведя дух, и тут же расстроился: всего-то сорок два года, а пробежал немного – и уже задыхается. Что же дальше-то будет? Нет, пора забыть о макаронах и о сладком! И зарядка, зарядка по утрам!..

Девушка через плечо огля его взглядом темных глаз. Старыгин не к месту подумал, что редко встречаются блондинки с темными глазами, и тут же приструнил сам себя – какое ему дело до цвета ее глаз и волос?

Девушка нахмурила брови и уже раскрыла рот, чтобы послать его подальше. Тогда Старыгин протянул ей перчатку.

Брови тут же разгладились, губы сложились в улыбку.

– Спасибо! – Она забрала перчатку. – Вечно я все теряю. И... это ведь вас я едва не сшибла с ног там, в магазине? Прошу прощения...

– Что вы... – машинально ответил Старыгин, вглядываясь в ее лицо. Злость у девушки пропала, теперь ее глаза были вовсе не темными, а серо-синими и очень грустными. Девушка надела перчатку, а Старыгин задумался: где-то он уже видел эти глаза цвета невской воды и эти руки – красивые одухотворенные руки с тонкими, но сильными пальцами. Ногти были коротко острижены и не покрыты лаком.

– Простите мою назойливость... – нерешительно начал он, – понимаю, что это звучит банально, но... мы раньше не встречались?

Она взглянула сердито, глаза снова потемнели, словно небо над Невой покрылось осенними тучами и они передали воде свой свинцовый цвет. Но вдруг лицо ее просветлело, она засмеялась и схватила Старыгина за руку.

– Ну конечно же, я вас помню, Дмитрий... Алексеевич! Я Лиза, Лиза Раевская, мы встречались на вручении премии «Золотая кисть» в прошлом году!

И Старыгин вспомнил. Премия эта присуждается каждый год, есть там и номинация «Лучший реставратор». Присуждение и заключительные торжества происходят в Эрмитажном театре – после торжественной части обязательно устраиваются концерт и банкет. Старыгину тогда вручали премию, а Лиза принимала участие в концерте. Она пианистка, очень хорошо исполняла вальсы Шопена.

Старыгин не сразу узнал ее, потому что тогда девушка была в черном концертном платье и волосы были причесаны гладко. Но эти руки, летающие над клавиатурой рояля, – как он мог их забыть?

Они тогда еще поболтали немного после концерта за бокалом шампанского.

– Извините меня, Дмитрий Алексеевич, – Лиза снова погрузилась, – сегодня я плохой собеседник...

– У вас неприятности? – Старыгин с удивившей самого себя прытью взял Лизу под руку. – Вижу, что вы вся на нервах... Тогда давайте зайдем вот в то кафе, и вы расскажете, что все-таки случилось в магазине. Выпьем кофе или лучше чаю, чтобы успокоиться.

– Случилось не в магазине, а раньше, – Лиза покорно дала себя увести к двери. – Не обижайтесь, но вряд ли вы сможете мне помочь, Дмитрий Алексеевич.

– Я приложу все старания. И – можно просто Дмитрий...

Пока он делал заказ у стойки, Лиза успела причесаться и слегка тронуть губы помадой.

– Итак... – он отпил глоток чая и постарался скрыть недовольную гримасу.

Старыгин был в области приготовления чая большим специалистом, отлично разбирался во всех сортах и способах заварки, а здесь хоть и сделали чай в чайничке, а не сунули в чашку пакетик, все же качество оставляло желать лучшего. Ну да не в этом дело!

– Я слушаю, – напомнил он, – если, конечно, это не секрет.

– Да какой там секрет! – Лиза грустно улыбнулась. – Четыре дня назад умерла моя старая знакомая, вернее, когда-то давно она была близкой подругой моей бабушки. Бабушки давно нет, а Амалия Антоновна прожила еще очень долго, была совсем одна, и я к ней заходила, но не слишком часто – работа, гастроли... Нет, она не жаловалась, была вполне бодра и никогда не скучала...

Лиза ходила к Амалии Антоновне с самого детства, еще когда была маленькой девочкой с косичками, которые бабушка заплетала туго-туго и укладывала аккуратной «корзиночкой». Ей очень нравилось, как бабушка со своей старинной подругой обнимались при встрече и называли друг друга «душенька» и «голубушка». Еще ей нравилась большая комната Амалии Антоновны, вся заставленная старинной мебелью с завитушками, а вместо ножек у нее были когтистые львиные лапы. Стены были увешаны старинными фотографиями в резных рамках. Изображались на них красивые дамы в широких шляпах с пышными прическами, в длинных платьях и с такой тонкой талией, что казалось, они переломятся пополам от малейшего дуновения ветра. Были кавалеры в странных, наглухо застегнутых пиджаках, были дети в матросских костюмчиках, был один страшный дядька с окладистой черной бородой, с толстой цепью, висящей на объемистом животе. Амалия Антоновна говорила, что это ее дедушка. Лиза не верила и считала, что дядька – Карабас-Барабас.

Старушки музицировали, а Лиза, забравшись с ногами в кресло с высокой деревянной спинкой, рассматривала альбом с открытками или узорами для вышивки. Потом, пока подруги готовили чай, Лиза глядела во все глаза на клавесин с красивым вензелем на внутренней стороне крышки – «М», переплетенное с «А». Буквы были такие же изящные, как дамы на старинных фотографиях. Иногда Лиза пальцем нажимала на желтоватую клавишу и долго слушала затихающий звук.

Нравилось Лизе, что к чаю у Амалии Антоновны подавалось сухое печенье с тонкими лепестками масла из хрустальной масленки и крыжовенное варенье, принесенное бабушкой. А в серебряной конфетнице лежали обычные карамельки, отчего-то без фантиков, и Амалия Антоновна смешно называла их «бомбошки».

Потом Лиза подросла, ее отдали в музыкальную школу, и Амалия Антоновна позволяла ей играть на клавесине детские пьески.

Потом не стало бабушки, но Лиза навещала Амалию – по привычке. В этом доме все оставалось на своих местах много лет, ничего не менялось, даже саму хозяйку Лиза всегда помнила сухонькой старушкой с аккуратными седыми кудряшками.

– Понимаете, – говорила Лиза, помешивая ложечкой несладкий чай, – я уезжала на две недели. Да и раньше-то забегала не слишком часто – концерты, занятия, репетиции... Но она

была такой бодрой, приветливой, всегда радовалась жизни, никогда не жаловалась на болезни. Все необходимое у нее было, лекарство я ей привезла из Вены, соседка продукты покупала.

– Сколько же ей было лет? – поинтересовался Старыгин.

– Выяснилось, что восемьдесят семь, – грустно улыбнулась Лиза, – но она всегда из кокетства убавляла свой возраст. Знаю, что вы хотите сказать, но все это так неожиданно! В общем, ценностей у нее в доме особых не было – мебель кое-какая, безделушки. А клавесин она давно пообещала мне, потому что Славику он совсем не нужен. Славик – это ее внучатый племянник, в общем, парень довольно противный, но мы с ним почти не знакомы.

– Вы точно видели ее завещание? – спросил Старыгин.

– Однажды при мне она написала что-то на разлинованном тетрадном листочке и сказала, что это – выражение ее последней воли. Мне, конечно, неудобно было читать, но Амалия Антоновна, хоть и была удивительно доверчивой и легкомысленной – кстати, не только в старости, помню, бабушка ее вечно за это ругала, – однако не в полном маразме. Денег соседям в долг даст – и никогда не напомнит, чтобы вернули, дверь откроет, не разбираясь и не спрашивая, с посторонними людьми разговорится и даже домой их пригласить может... Правда, в последнее время она из дому не выходила.

– Возможно, она сунула листок куда-то и забыла?

– Возможно, – вздохнула Лиза, – вы не подумайте, что я из-за денег, мне просто хотелось иметь что-то на память. Старушка-то надеялась, что Славик поселится в ее квартире и сохранит все, что ее окружало. Я этого Славика видела всего раза три, но сразу поняла, что все, что выглядит в его глазах обычным старьем, он тут же отправит на помойку. Понимаете, он серый жутко, не представляет, что старые вещи могут иметь какую-то ценность. Я думала, если он не согласится просто так клавесин отдать, я его выкуплю. И поэтому ему не говорила, что все вокруг – ценное. Он жадный такой...

– Есть такие люди, – согласился Старыгин. – А что, и правда у нее мебель была ценная?

– Я не очень в этом разбираюсь, – призналась Лиза, – вот клавесин был очень красивый.

– Откуда он у нее?

– О, там целая история! Он достался ей от какой-то дальней родни, и в семье всегда считалось, что это – клавесин Марии-Антуанетты.

– Той самой? – недоверчиво спросил Старыгин. – Несчастной французской королевы, которой отрубили голову во время Великой французской революции?

– Конечно, я в это не верю, – согласилась Лиза. – Амалия Антоновна каждый раз рассказывала эту историю по-разному. Скорее всего, все пошло оттого, что под крышкой клавесина в углу есть вензель «М» и «А», вот такой, – она нарисовала на салфетке.

– Вензель, конечно, похож на монограмму Марии-Антуанетты, – протянул Старыгин, – но это ведь ничего не доказывает... мало ли имен начинаются точно так же...

– Разумеется, я же говорила, что сама не верю в эту романтическую историю, а клавесин мне хотелось иметь просто на память об Амалии Антоновне.

Снова глаза у девушки потемнели, как Нева перед грозой.

– А как же он оказался у антиквара?

– Ох, это ужасно! – Теперь в голосе Лизы звенели слезы. – Этот урод, ее племянник, приехал в Петербург совершенно случайно, буквально на второй день после ее смерти. И продал этому типу всю мебель оптом, еще не похоронив тетку!

– Силен! – восхитился Дмитрий Алексеевич. – Отчего же он так торопился?

– От жадности, – вздохнула Лиза, – я думала, что убью его на месте. А когда вытрясла из него, за сколько он все продал... Все вместе – за пять тысяч евро!

– Ужас какой, – вздохнул Старыгин, – это же гроши. Антиквар его просто надул!

– Да пропади оно все пропадом! – Лиза махнула рукой. – Я поехала в магазин наудачу, и как вы думаете, сколько заломил этот, с позволения сказать, антиквар за клавесин? Пятьдесят тысяч евро! И это только за клавесин!

– Ну надо же.

– Подумать только, обманом скупил мебель за гроши, и теперь... А у меня и десятой части таких денег нет.

– Что вы удивляетесь, антикварный бизнес – весьма криминальное занятие... – Старыгин допил остывший чай.

– Сейчас-то я понимаю, а тогда просто вышла из себя от такой несусветной наглости! И ведь совершенно ничего не боится – ни милиции, ни суда! Хотя какой суд? Завещания-то у меня нет на руках... Видно, придется смириться.

Старыгин поглядел на ее склоненную голову и вздохнул – чем тут можно помочь? Но помочь очень хотелось, и тогда он вспомнил своего недавнего знакомого, Василия Васильевича Сверчкова – как тот находит в мебельных тайниках всякую всячину. Чаще всего – любовные письма, чей адресат как минимум сто лет уже покоится на кладбище, дневники, медальоны с локонами, иногда – деловые бумаги, до которых никому уже нет никакого дела.

– Послушайте, Лиза, – начал Старыгин, осторожно подбирая слова, – вы уверены, что там, в квартире покойной, ничего не осталось? Никаких бумаг, документов?

– Этот идиот Славик перебирает бумаги, – устало ответила она, – завещание нужно ему для получения квартиры по наследству. Пока что ничего не нашел.

– Вы говорите, старинная мебель, – гнул свое Старыгин, – а не могла она хранить завещание в тайнике? Ну, знаете, как бывает – потайной ящичек, а с первого взгляда ничего не заметно.

– Думаете, в клавесине? – Глаза у Лизы блеснули. – Не знаю, право... Но в любом случае меня теперь туда и на порог не пустят... я, как назло, поскандалила.

– Я попробую, – Старыгин решительно поднялся из-за стола, – подождите меня здесь.

– В конце концов, мы ничем не рискуем! – согласилась Лиза.

Он сам не ожидал, что так обрадуется этому местоимению – «мы».

Легкая, стройная, грациозная, королева Мария-Антуанетта вошла в покои принцессы Роган. Ослепительно молодая, но в то же время величественная, она шла от дверей, отражаясь в бесчисленных зеркалах. Ярко-синие глаза королевы сияли, соперничая красотой с поразительной белизной ее кожи. Удлиненное породистое лицо поражало благородством линий, и даже немного отвисающая нижняя губа, родовая черта Габсбургов, нисколько не портила ее.

Гости давно уже собрались, началась игра в фараон. При виде королевы не прервали игру, никто не поднялся ей навстречу, кроме хозяйки салона: сама Антуанетта отменила в узком кругу друзей придворные церемонии.

– Что же ты так поздно, Туанетта? – упрекнула ее принцесса Роган. – Ты пропустила все самое интересное! Ты не поверишь – у меня опять было видение!

Королева взглянула на подругу чуть насмешливо: в ее ближайшем окружении все снисходительно относились к экзальтированной принцессе с ее странными увлечениями, с ее постоянными видениями, с ее многочисленными комнатными собачками... вот и сейчас одна из них, Жужу, вертелась возле ног хозяйки и громко, истерично тявкала, словно пытаясь привлечь к себе внимание.

– Кого же ты видела на этот раз? – с легкой иронией осведомилась королева.

Бледное, худощавое, красивое лицо принцессы досадливо искривилось, ее прозрачные глаза потемнели:

– Ты мне не веришь, Туанетта? Но я видела его, видела так же хорошо, как тебя!

– Кого? – насмешливо переспросила королева.

– Покойного кардинала Ришелье, конечно! Кого же еще? Он вышел из тех дверей, медленно прошел через салон и скрылся в музыкальной комнате. Можешь себе представить – Жужу и Шери почувствовали его присутствие, они уступили ему дорогу и так жалобно завывали... у меня буквально кровь застыла в жилах!

– Да, собачки принцессы вели себя очень странно! – проговорил, не вставая из-за карточного стола, граф де Полиньяк, самый интересный и остроумный мужчина в окружении молодой королевы. – Я свидетель, они были чрезвычайно напуганы! Не знаю, конечно, что послужило причиной этого переполоха...

– Вот видишь, Туанетта, граф тоже это заметил! Говорю тебе: это, несомненно, был покойный кардинал! Он был в алой кардинальской мантии и в парике и прошел через салон, прежде чем удалился в музыкальную комнату.

– Моя дорогая свояченица, не пора ли вам присоединиться к игре? – подал голос младший брат короля, принц Карл. – Я чувствую, что вам сегодня повезет!

В отличие от своих чрезмерно тучных старших братьев Карл был красив и строен. Повеса и шутник с лицом испорченного, избалованного ребенка, он был непременным участником всех развлечений Марии-Антуанетты.

– Нет, сегодня я не стану играть! – проговорила королева, покосившись на карточный стол. – Я слишком устала, у меня был тяжелый день.

На самом деле ей чертовски хотелось играть, но она не могла себе этого позволить: накануне она и так слишком много проиграла, и касса ее была пуста. А самое главное – она не сомневалась, что об этом проигрыше непременно сообщат в Вену ее матери, австрийской императрице Марии Терезии, и тогда ей не миновать многословных упреков и поучений.

– Я уверена, что кардинал что-то хотел сообщить, – продолжала принцесса Роган. – У него был такой странный, такой многозначительный вид... он хотел что-то сообщить мне... а может быть, и тебе, но, поскольку тебя здесь не было...

– Хорошо, чего же ты от меня хочешь? – спросила королева, с трудом сдерживая раздражение.

Все-таки принцесса с ее видениями иногда бывает просто невыносима! Но надо отдать ей должное: она удивительно умна и образованна, кроме того, сказочно богата и щедра, никогда не жалеет для своих друзей денег и времени.

– Прошу тебя, Туанетта, приди завтра пораньше. Что-то подсказывает мне, что кардинал снова появится, и в твоём присутствии он будет более разговорчив.

– Ну, хорошо, моя дорогая: я непременно приду, обещаю тебе. Завтра у меня не так много дел, как сегодня, только один обязательный прием и встреча с портнихой, и, как только я освобожусь, приду к тебе.

Дмитрий Алексеевич снова вошел в антикварный магазин и прямоком направился в тот закоулок, где стоял злополучный клавесин. Навстречу ему метнулся было очередной продавец – на этот раз сутулый длинноносый тип с нездоровым желтым лицом, но Старыгин отмахнулся от него и, пробравшись между тесно составленными шкапами, остановился перед клавесином. Продавец пожал плечами и, как его коллега, тоже скрылся за массивным буфетом из карельской березы.

Оглядев инструмент, Старыгин вспомнил наставления специалиста по мебельным тайникам. Как он сказал? О тайнике говорит едва заметное нарушение симметрии, излишне выступающая или отличающаяся по стилю деталь...

Он немного отступил, насколько позволяла магазинная теснота, и снова пригляделся к инструменту. Изящно выгнутые ножки, резные боковины, легкая откидная крышка – все говорило о том, что перед ним – прекрасное изделие искусного французского мастера восемнадцатого века. Но клавесин вовсе не спешил выдавать свои тайны, если, конечно, они у него

действительно были... тонкая резьба, изумительный рисунок драгоценной древесины, изысканные формы, и нигде не заметно отступлений от единого замысла, все выдержано в едином стиле, в единых пропорциях.

Дмитрий Алексеевич поднял крышку и пробежал пальцами по клавиатуре инструмента. А вот и вензель, о котором говорила Лиза...

Старыгин никогда не учился игре на фортепьяно, тем более на клавесине, но слух у него был неплохой, и он сразу понял, что одна из нот фальшивит. Почему бы это? Может быть, старинный инструмент расстроен? А если...

Он поднял заднюю крышку, за которой пряталось внутреннее устройство. Клавесины отличаются от фортепьяно тем, что вместо молоточков у них внутри *находятся плектры*, кожаные язычки, защипывающие струну при нажатии клавиши.

Дмитрий Алексеевич снова тронул пальцем подозрительную клавишу и проследил, какая струна пришла в движение. Склонившись над декой, коснулся ее в том месте и нащупал едва заметный выступ. Именно из-за этого выступа нота звучала неправильно...

Старыгин надавил на выступ, легонько утопил его пальцем, как кнопку, – и тут одна из резных боковых панелей клавесина откинулась, как дверца шкафчика.

Внутри что-то белело.

Дмитрий Алексеевич запустил руку в тайник и вытащил хрупкий, пожелтевший от времени небольшой конверт.

– Эй, что вы там делаете? – донесся до него из-за старинного секретера подозрительный голос приближающегося продавца.

На этот раз подошел тот, первый, в поношенном пиджаке с глазами снулой рыбы. Очевидно, первоначальное предположение Старыгина, что из-за этого буфета не возвращаются, было ошибочным.

Старыгин сунул свою находку за пазуху и поспешно захлопнул дверцу тайника.

– Ничего особенного, должен же я осмотреть вещь, которая меня заинтересовала? – проговорил он ворчливым тоном. – А может быть, это новодел!

– Мы у себя в магазине новоделом не торгуем! – возразил продавец, протискиваясь к Старыгину. – Ну что – осмотрели?

– Допустим. Но уж больно цена высока...

– Ничего не могу поделать, такую цену установил владелец вещи, – отозвался продавец, пожав плечами. – Магазин от себя прибавляет только маленький процент.

– Ну-ну, маленький процент! Знаю я этот маленький процент! – проворчал Дмитрий Алексеевич и двинулся в направлении к выходу.

Лиза все еще сидела за столиком кафе, глядя в пространство отсутствующими глазами и рисуя на столешнице пальцем какие-то узоры.

Она подняла на приблизившегося Старыгина грустные глаза и спросила:

– Ну что? Конечно, вы ничего не нашли?

– Что-то нашел, – возразил тот, усаживаясь напротив девушки. – Только, по-моему, это совсем не похоже на завещание.

Он достал из-за пазухи конверт, аккуратно открыл его, вынул сложенный вдвое пожелтевший листок бумаги и положил его на стол.

Они с Лизой сдвинулись головами, разглядывая находку.

Да, несомненно, это было не завещание.

– Ноты! – В голосе Лизы удивление примерно в равных дозах перемешалось с разочарованием.

Теперь и Старыгин видел, что на столе перед ними лежал листок нотной бумаги, покрытый непривычными мелкими значками.

– Неужели покойная старушка прятала в тайнике ноты романса, популярного во времена ее молодости?

– Вряд ли это романс, – возразила Лиза. – Приглядитесь-ка...

– Действительно, какие-то странные ноты... – проговорил Дмитрий Алексеевич, разглядывая запись.

– Это устаревший вариант нотной записи, такой применялся в семнадцатом и восемнадцатом веках, – сказала Лиза и добавила, нагнувшись к его уху: – Закажите кофе и еще что-нибудь, а то официантка смотрит на меня зверем, поговорить не даст. Только идите к стойке...

Старыгин согласно кивнул. На миг ему стало как-то неуютно, захотелось уйти отсюда как можно скорее и очутиться у себя дома, в тишине и покое. Но он тут же взял себя в руки.

– А ведь и бумага относится примерно к тому периоду. – Старыгин поставил свой стул так, чтобы от стойки не было видно, чем он занимается, осторожно, двумя пальцами поднял листок, взглянул на его сгибы, потом посмотрел на свет. – Скажу вам даже точнее – это бумага изготовлена во второй половине восемнадцатого века.

– Неужели можно так точно определить возраст бумаги? – В голосе Лизы прозвучало недоверие.

– Безусловно, – кивнул Старыгин. – А чему, собственно, вы удивляетесь? Ведь вы тоже смогли достаточно точно сказать, к какому времени относится эта нотная запись!

– Ну, с этим дело обстоит гораздо проще! – Лиза оживилась, почувствовав себя увереннее. – Нотные записи и вообще-то появились не так давно, гораздо позднее, чем письменность. Еще в седьмом веке средневековый ученый и теоретик музыки Исидор Севильский писал, что записать музыку невозможно. Но уже в середине девятого века в монастырях Европы начали записывать мелодии Григорианских хоралов при помощи специальных значков, которые называли *невмами*. В России подобная запись появилась позднее, нотные знаки назывались *крючками* или *знаменами*. Эти обозначения состояли из черточек, точек, запятых, которые составлялись над словесным текстом и обозначали отдельные звуки и мелодические обороты, движения голоса вверх и вниз, повторение одного и того же звука, способ и характер исполнения. *Невмы* не указывали точной высоты звуков, но наглядно изображали мелодическую линию, помогая певцам вспомнить мелодию уже знакомых им на слух песнопений.

Позднее в западноевропейской музыке невмы стали записываться на одной или двух горизонтальных линиях. Буквенное обозначение этих линий или их цвет (красный, желтый) определяли высоту расположенных на них невм. Так зародилась линейная нотация, уже напоминающая привычную нам нотную запись. В XI веке эта система была усовершенствована итальянским музыкантом Гвидо д'Ареццо. Он придумал способ записи нот на нотной строке, состоящих из четырех горизонтальных параллельных линий. Эти четыре линии и стали прообразом современного нотного стана, а буквенные обозначения высоты линий постепенно трансформировались в ключи – условные графические знаки, определяющие высоту расположенных на нем нот. Этот же музыкант, Гвидо д'Ареццо, придумал слоговые обозначения для ступеней звукоряда, только у него их было не семь, а шесть: «ут», «ре», «ми», «фа», «соль» и «ля»... В конце XVI века для обозначения седьмой ступени был введен слог «си», во второй половине XVII века слог «ут» заменен слогом «до». Эти названия сохранились до нашего времени...

Дмитрий Алексеевич почувствовал, что засыпает под монотонную лекцию образованной девушки. Лиза заметила его состояние и едва заметно усмехнулась:

– Собственно, я только хотела вам показать, что не вы один можете правильно датировать это письмо...

– Ну, о точной датировке говорить еще рано! – оживился Старыгин, поняв, что лекция закончена. – Конечно, если бы я мог произвести тщательный лабораторный анализ, я бы сказал гораздо точнее. Мог бы установить возраст бумаги, вплоть до десятилетия, и даже назвать, на

какой мануфактуре она изготовлена. Но и на глаз я могу определить примерный возраст бумаги по характерным волокнам, которые видны на свет, а также по тому, насколько она пожелтела...

– Ну, желтеет-то бумага гораздо быстрее! – усмехнулась Лиза. – Я видела газетные вырезки двадцатилетней давности, так они куда более желтые, чем этот листок.

– Так то газеты! На газеты употребляется самая дешевая бумага, которая через десять лет желтеет, а через пятьдесят рассыпается в труху. А хорошая, дорогая бумага и за сто лет нисколько не меняет свой внешний вид, не желтеет и не выцветает. Поэтому и сохранилось множество старинных, даже средневековых книг, документов, рукописей. Да и нот тоже довольно много. Так что не думаю, что эта запись такая уж уникальная и ее стоило хранить в тайнике.

Он снова поднял листок, приблизил его к глазам, чуть ли не обнюхал и добавил задумчиво:

– Это не палимпсест...

– Что? – переспросила Лиза.

– Палимпсест – это старинная бумага или пергамент, с которой счищен первоначальный текст и потом, в другую эпоху, написано что-то другое. Так вот, эта надпись сделана примерно тогда же, когда изготовили саму бумагу. Об этом говорит цвет чернил и то, как они выцвели. А что вы можете сказать о самой мелодии, которая здесь записана? Что это за музыка?

– Странно... – Лиза придвинула к себе листок с нотами. – Во-первых, это только часть мелодии... здесь явно не хватает конца... и во-вторых, сама мелодия какая-то странная, непривычная... особенно странно, если эта запись действительно сделана в восемнадцатом веке, тогда о таких гармониях никто и не помышлял.

Она наклонила голову набок и тихонько напела обрывок мелодии, прозвучавший нервно и надрывно, как будто придумавший его композитор страдал тяжелым похмельем или муками совести.

– Да, не так я представлял себе музыку восемнадцатого века! – удивленно проговорил Старыгин. – Хотя, если честно признаться, старинная музыка меня не очень интересует, куда меньше, чем живопись или архитектура. Но в данном случае мне ужасно интересно, почему эту нотную запись спрятали в тайнике?

– Одну минутку... – пробормотала Лиза, что-то рисуя на бумажной салфетке. – Может быть, я немного ошиблась...

– Что это вы делаете? – Старыгин с любопытством склонился над ее листком.

– Записываю эту мелодию в более привычном, современном виде, – пояснила девушка. – Вот так...

На салфетке появилась цепочка черных значков.

– Странно... как странно... – бормотала Лиза, набрасывая значки. – Может быть, переписчик просто ошибся? Ну вот, к примеру, разве могли тогда быть такие аккорды – до-ре-соль? Должно быть до-ми-соль, а до-ре-соль – это какая-то бессмыслица!

– Как вы сказали? – переспросил Старыгин. – До-ре-соль? Вы не ошибаетесь?

– Почему я должна ошибаться? – недоуменно проговорила Лиза. – Уж в этом-то я разбираюсь. Вы вообще о чем?

– На многих предметах времен Людовика Четырнадцатого ставилась такая надпись – До Ре Соль, сокращение от латинского выражения *Donatio Rex Sol*, то есть «Даровано Королем-Солнце». Вы же знаете, что так называли приближенные этого великого французского короля, почти семьдесят лет державшего в своих руках абсолютную власть в величайшем католическом государстве Европы! Постойте-ка, может быть, эта нотная запись – вовсе и не нотная запись, а зашифрованное в виде нот тайное послание?

Он уставился на исписанную значками салфетку, а потом смущенно взглянул на Лизу:

– Вы знаете, я, к сожалению, не разбираюсь в нотной грамоте. Для меня это – темный лес. Будьте любезны, запишите для меня все эти значки буквами, так, чтобы я мог попытаться прочесть это письмо. Возможно, тогда мы узнаем, почему оно было спрятано в тайнике.

Лиза взяла еще одну салфетку и быстро перенесла на нее запись в виде понятных Старыгину букв.

Он несколько минут пристально рассматривал их, напряженно наморщив лоб и потирая переносицу. Наконец поднял взгляд и разочарованно вздохнул:

– Полная бессмыслица! То ли я чего-то не понимаю, то ли эта нотная запись не несет никакой осмысленной информации... хотя, постойте-ка! Ведь вы записали ноты и остальные знаки русскими буквами, а клавесин, несомненно, французский, и ссылка на Людовика Четырнадцатого говорит о том же.

Он снова, на этот раз сам, переписал злополучный текст и опять углубился в его изучение.

Лиза с сочувственным интересом наблюдала за тем, как он морщил лоб, пыхтел, сосредоточенно тер переносицу, почесывал кончик носа... все эти действия, по-видимому, должны были стимулировать умственную деятельность.

После нескольких минут такого гримасничанья Старыгин поднял голову и тяжело вздохнул.

– Ну как, до чего вы додумались? – поинтересовалась девушка.

– Чего-то мне не хватает, – признался Старыгин. – Какие-то обрывки слов складываются, но в целом выходит бессмыслица.

– Ну, может быть, здесь и нет никакого послания... – проговорила Лиза, достав из сумочки зеркальце и тюбик помады и поправляя макияж. – Может быть, это действительно всего лишь мелодия.

– Постойте! – воскликнул Старыгин и внезапно вырвал зеркальце из рук девушки.

– Что это вы... – начала Лиза возмущенную фразу, но не закончила ее, поскольку поняла, что Старыгин вовсе ее не слушает: он поднес зеркальце к листку с записью и зашевелил губами, как будто что-то читая.

– Вот оно! – проговорил он наконец, возвращая девушке зеркало. – Простейший шифр, как же я не догадался? Каждое слово разбито на две части, первая часть написана справа налево, так что читается в зеркале, а вторая часть записана обычным способом, слева направо!

– И что же вы в результате прочли?

Старыгин произнес чеканную латинскую фразу и тут же перевел ее на русский язык:

– Великое сокровище, святыня первых христианских королей, драгоценность Людовика Святого, реликвия, дарованная Королю-Солнце, хранится...

– Что же вы замолчали? – осведомилась Лиза. – Ведь дальше – самое интересное!

– В том-то и дело, что дальше ничего нет! – с сожалением проговорил Дмитрий Алексеевич. – Дальше надпись кончается, точнее – она оборвана! – И он показал девушке нижний край найденного в тайнике листка.

Действительно, листок был разорван, нижняя его часть отсутствовала.

– Ну вот, так всегда и бывает, – вздохнула Лиза. – Все заканчивается на самом интересном месте!

– Он здесь! – Принцесса Роган схватила молодую королеву за руку и потащила за собой. – Он здесь! Хорошо, что ты пришла!

– У нашей милой принцессы опять видение! – проговорил, не вставая с канapé, маркиз де Водрейль. – Мадам, не пора ли отвести во дворец специальное крыло для призраков?

Не обращая внимания на колкости маркиза, принцесса вела Марию-Антуанетту к двери музыкального салона.

– Он здесь! – повторила она, распахнув дверь и остановившись на пороге.

– Где... – проговорила королева, мягким изгибом русских бровей изображая легкое недовольство.

– Тс-с! – Принцесса Роган поднесла палец к губам. – Неужели ты не видишь?

И тут королева увидела его.

Кардинал сидел на табурете, обитом золоченой испанской кожей, перед резным клавесином. Рукава кардинальского облачения свободно спадали с его красивых смуглых рук. Он был красив той тонкой изысканной красотой, которую приобретают в старости умные и решительные мужчины. И он был так похож на свой портрет – тот самый, что висел в малом кабинете Луи... Острая бородка клинышком, пышные усы, тонкое, выразительное лицо, соединяющее в себе глубокое понимание человеческой природы и умение повелевать...

– Боже! – прошептала королева, невольно сжав руку своей подруги. – Но это... это действительно он!.. Красный кардинал! Жан Арман дю Плесси де Ришелье!

– А ты мне не верила! – По красивому лицу принцессы пробежало облачко. – Смотри...

Мертвый кардинал поднял руки еще выше, алые рукава упали до локтей. Он откинул величественную голову, уронил руки на клавиши инструмента и заиграл.

Мария-Антуанетта никогда не слышала такой музыки. В ней не было ничего от тех легкомысленных пасторалей и мадригалов, которые часто исполнялись придворными музыкантами, не было даже намека на ту легкую куртуазную музыку, которую принесли ко двору галантные итальянцы из свиты кардинала Манчини. Это было вообще не похоже на музыку: это было похоже на нервный припадок, или угрызения совести, или на ветреную осеннюю ночь – словом, на все то, что молодая королева на дух не выносила...

– Что это? – испуганно прошептала Мария-Антуанетта.

Она повернулась к своей подруге.

Лицо принцессы буквально светилось. Она не сводила глаз с призрачного кардинала, грудь ее высоко вздымалась под кружевным лифом платья, бледное лицо покрылось пятнами лихорадочного румянца.

– Неужели ты не понимаешь, Туанетта! – прошептала она, порывисто схватив королеву за руку. – Это музыка **оттуда**, из-за покрова небытия! Кардинал приоткрыл для нас завесу вечной тайны!

Мария-Антуанетта прижала ладони к вискам:

– Это невозможно! Я не в силах переносить такую какофонию! Прикажи, чтобы мне принесли нюхательную соль, от этой потусторонней музыки у меня разболелась голова!

– Подожди еще минуту, Туанетта! – воскликнула принцесса с болезненной горячностью. – Разве можно беспокоить души мертвых нашими земными заботами? И потом, он еще не доиграл до конца!

Кардинал снова опустил руки на клавиши, и из-под его пальцев донесся какой-то невысказанный, мучительный, пугающий аккорд – да и не аккорд вовсе, а противоестественное, чудовищное, болезненное сочетание звуков...

В следующее мгновение мучительная музыка замолкла, и человек в красной мантии растаял, растворился, словно его и не было... да, впрочем, правда ли он был здесь?

Мария-Антуанетта огляделась по сторонам, как будто проснувшись от тяжелого сна.

– Что это было?... – пробормотала она, наморщив высокий лоб и проведя пальцами по глазам. – Мне показалось, что...

– Тебе ничего не показалось! – жарко выдохнула принцесса. – Ты видела, видела и слышала! Для нас ненадолго приоткрылась дверь **иного мира**... я уверена: покойный кардинал явился именно для тебя! Он хотел тебе что-то сообщить и не нашел другого способа, кроме этой удивительной мелодии...

– Но этого не может быть! – запротестовала здравомыслящая королева. – Я, должно быть, просто устала...

Ей было очень трудно признать, что она только что столкнулась с чем-то непостижимым. Воспитанная в практичных и приземленных правилах венского двора, она не допускала существования явлений и предметов, выходящих за рамки традиций и приличий, за границы обыденности и здравого смысла. Она охотно признавала право на видения за своей экзальтированной подругой, причем относила эти видения на счет больных нервов принцессы Роган, а еще больше – на счет ее несчастливой семейной жизни. Принцесса страстно любила своего мужа, тот же не ставил ее ни в грош, постоянно помыкал ею, оскорблял ее. Немудрено, что несчастная принцесса искала утешения у мертвецов. Но чтобы сама Мария-Антуанетта увидела привидение...

Жужу, собачка принцессы, уселась посреди персидского ковра и тонко, жалобно завывала.

– Вот видишь, Жужу тоже чувствовала его присутствие! – воскликнула принцесса. – В присутствии кардинала она не смела подать голос, зато теперь...

Дверь музыкального салона приоткрылась, на пороге появился маркиз де Водрейль. На лице его было не свойственное маркизу удивление.

– Что за адская музыка здесь раздавалась? – проговорил он, переводя взгляд с Марии-Антуанетты на принцессу.

– Вот видишь, Туанетта, маркиз тоже слышал эту музыку! – Лицо принцессы засияло. – Вот видишь...

– Дамы, зачем вы мучили бедное животное? – Маркиз покосился на собачку.

Он хотел свести все к шутке, но на его лицо набежала какая-то тень, и шутка вышла несмешной.

– Маркиз, вы действительно что-то слышали? – осторожно поинтересовалась Мария-Антуанетта.

– Да, кое-что слышал... – Маркиз посерьезнел. – На месте вашего духовника я запретил бы вам слушать подобную музыку. В ней есть что-то языческое или даже адское!

– Маркиз, дорогой мой! – взмолилась принцесса Роган. – Я знаю, у вас прекрасный музыкальный слух и замечательная память. Если вы слышали и запомнили эту мелодию – запишите ее!

Де Водрейль удивленно взглянул на принцессу:

– Вы настаиваете? Мне кажется, что такое следует поскорее забыть...

– Я настаиваю! Я не сомневаюсь, что явившийся с **того света** кардинал хотел нечто сообщить Туанетте, и оставить этот знак без внимания будет непрослительной глупостью!

– Ну, что ж... – де Водрейль знал, что, ежели принцесса вобьет что-то себе в голову, спорить с ней бесполезно. Кроме того, ему и самому было любопытно испытать свои способности. – Ну, что ж... – повторил он, нахмурившись, – велите подать мне перо, чернила и нотную бумагу.

Через минуту слуги принесли все требуемое, и маркиз уселся за один из столиков, обмакнул перо в чернильницу и застрочил по бумаге.

– Кажется, это звучало так! – проговорил он наконец, изящно помахав листком в воздухе, чтобы просушить чернила, и протягивая его принцессе.

– Туанетта, я не сомневаюсь, что кардинал играл для тебя! – И принцесса передала нотную запись королеве.

– Ты полагаешь? – Мария-Антуанетта растерянно переглянулась с маркизом. – Что же мне с этим делать? Пожалуй, передам это маэстро Люли, пусть исполнит как-нибудь в концерте...

– Не думаю, что это хорошая идея! – проговорил маркиз, сжав узкие губы. – Вряд ли это понравится аббату Вермону.

При воспоминании о Вермоне настроение молодой королевы резко ухудшилось. Аббат, духовник Марии-Антуанетты, был доверенным лицом ее матери, австрийской императрицы Марии Терезии, и регулярно докладывал императрице о каждом шаге ее легкомысленной дочери. Уродливый, с маленькими глазами и кривыми желтыми зубами, он сообщал в Вену о каждом поступке и каждом слове молодой беспечной королевы, а потом передавал той строгие упреки и советы матери.

Мария-Антуанетта преклонялась перед матерью, благоговела перед ней, считала ее величайшим и самым могущественным человеком в Европе, но в то же время бесконечные наставления и поучения матери раздражали и мучили ее.

– Вы здесь музицируете в узком кругу? – В дверях салона появился брат короля, принц Карл. – Моя дорогая свояченица, музыка скучна! Пойдемте лучше играть, без вас не удастся составить партию.

– Почему бы и нет? – улыбнулась деверю Мария-Антуанетта. – Я и так несколько дней была слишком добропорядочной. Пора немного и поразвлечься... вот только что делать с этими нотами?

Она шаловливо оглядывалась по сторонам, держа в поднятой руке листок с нотной записью.

– Туанетта, это очень важно! – негромко, но настойчиво проговорила принцесса Роган. – Отнесись к этому со всей серьезностью.

– Непременно... – королева наморщила лоб. – Вот, кстати, мастер Монтре показывал мне тайник, который он устроил в этом клавесине. Там я и спрячу эти ноты до более подходящего случая... да, и можно будет устроить игру в фанты. Только, умоляю, никому не говорите об этом тайнике!

Она подошла к инструменту, откинула его крышку и нажала пальчиком на скрытую кнопку. Боковая стенка клавесина откинулась, как дверца шкафчика, открыв небольшой тайник.

– О, моя дорогая свояченица, вот где ты прячешь свои деньги! – воскликнул Карл, заглядывая через ее плечо. – В следующий раз, когда много проиграю, буду знать, к кому обратиться.

– Увы, Карл, здесь так же пусто, как в моей кассе! – вздохнула Мария-Антуанетта, пряча в тайник ноты. – Теперь в нем будет хоть что-то, но вряд ли эта бумага заменит деньги.

– Все, господа, идемте играть! – воскликнул Карл и повел свояченицу к карточному столу.

Двое сидевших за столиком долго молчали.

– Ну, сделайте же что-нибудь! – первой не выдержала Лиза. – Я разбираюсь в нотах, но не в шифрах. Это же вы нашли в записке какой-то смысл! Стоило так стараться, чтобы остановиться на полдороге. Или вы хотите сказать, что зашли в тупик?

«Вот почему я не женился, – подумал Старыгин, глядя, как сердито, как раздраженно шевелятся ее губы, – вот, казалось бы, такая симпатичная интеллигентная девушка. Профессия творческая – пианистка. Талантливая, образованная, воспитанная. А все равно: как только что-то не по ней – так сразу прорывается этакая скандальная требовательная интонация. Все они одинаковы. И будут зудеть и пилить – сделай то, пойдти туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что! А у человека может быть выходной, и свои дела тоже имеются! Нет, прав был Василий, когда не хотел меня сегодня отпускать!»

Тут Дмитрий Алексеевич осознал, что он элементарно брюзжит, как закоренелый старый холостяк. Жизнь снова подбрасывает ему необычайную загадку, а он еще недоволен! Разленился, жирком оброс в обществе кота на диване!

– Что вы на меня так смотрите? – сварливо спросила Лиза. – Сделайте же что-нибудь! Вспомните про Шерлока Холмса – он по одному волоску сумел бы определить, в чем тут дело!

– Мне незачем воображать себя Шерлоком Холмсом, – сказал Старыгин, – я и так эксперт. И между прочим, профессиональный реставратор, и профессия моя заключается не только в соскабливании старой краски с холста, а еще и в умении исследовать материал, будь то доска, холст или бумага. Так что будет лучше, если вы посидите и помолчите, пока я поработаю.

С необъяснимым удовольствием он заметил, что Лизины глаза потемнели до чернильной густоты, даже зрачков не было видно.

– Можете улыбаться, – посоветовал он невинным тоном, – вам так гораздо больше идет.

– Нет уж, – процедила она, – я лучше помолчу.

«Теперь будет дуться и обижаться на весь свет, – подумал он, отворачиваясь, – нет, все-таки правильно, что я не женился...»

Старыгин оставил в покое письмо и обратился к конверту. Конверт был маленький, очень аккуратный, розоватая бумага хорошего качества. Было видно, что конверт этот в свое время взяли – новый, – положили в него отрывок записки и убрали в тайник, чтобы больше к нему не прикасаться, и он тихо состарился в своем укрытии. В правом верхнем углу конверта имелся рисунок – нечеткий, но все же было видно, что это изображение герба.

– Что там такое? Вы поняли? – Лиза вытянула шею и придвинулась ближе.

– Это родовой герб. Вот видите – щит, в верхней половине изображен орел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.